

84 Коп.
А13

Ш.р. Кункидзе

АБАЙ

АЛМАТЫ
«ГЫЛЫМ»

1995
Солт. Қазақстан университетінің
ЖІТАПХАНАСЫ
БІЛІМДІЛІК

Абай. Стихи. Переводы русских поэтов.
Составители: Л. Степанова, Г. Бельгер. Алматы, «Гылым». — 207 с.

Настоящее издание приурочено к 150-летию со дня рождения великого казахского поэта-просветителя, родоначальника казахской литературы. Оно включает в себя наряду с известными публикациями, новые переводы, а также их варианты, выполненные лучшими представителями русской переводческой школы.

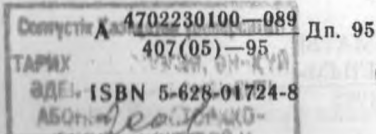
Настоящее издание стихотворений Абая приурочено к 150-летию со дня рождения великого казахского поэта и мыслителя.

Полуторавековой отрезок времени, отделяющий нас от этой даты, — это и почти шестидесятилетний срок его земного существования, и тот срок, — по отношению к первому в полтора раза больший, — в течение которого Абай незримо присутствует с нами, являясь светочем народной жизни и народной памяти.

Бывший загадкой для своего века, Абай продолжает и нас удивлять своей проницательностью, своей поразительной способностью проникновения в суть явлений и — величием души, вобравшей в себя все стороны человеческого бытия.

В широком смысле слова все его творчество — это Слова назиданий. Вся его поэзия — это «горькой истины речь». Горькой не потому, что истина такова сама по себе, а потому, что мы, потомки поэта, не всегда следуем ей, не во всем соответствуем. Абай — это и мера роста нашей души, и мера постижения мира.

...Предлагаемая читателю книга — не только дань юбилейной дате. Но, подобно тому, как некогда Абай впитывал в себя русскую поэзию и как теперь русская поэзия вбирает в себя творчество Абая, эта книга — свидетель-

© Оформление и составление 1995 г.

ство взаимопроникновения двух культур — казахской и русской.

К целой плеяде замечательных поэтов-переводчиков, таких, как М. Петровых, Л. Озеров, В. Звягинцева, Ю. Нейман, С. Липкин, Вс. Рождественский и другие, добавились новые имена — Михаила Дудина, Валерия Антонова, Евгения Курдакова... И то, что Абай на русском языке говорит разными голосами, несет на себе печать различных творческих манер и индивидуальных почерков, — факт сам по себе отрадный, помогающий постичь творчество великого казахского поэта во всей доступной для настоящего времени полноте и широте охвата.

Кроме традиционных для книгоиздания двух первых разделов, в сборнике в составе третьего раздела представлены варианты переводов. Абай постигается, Абай преломляется в сознании и подобно всякой вершине — штурмуется с тем, чтобы читатель вобрал в себя всю его многогранность. Весь масштаб того, кто «человечность ставил во главу».

Того, кто «миру дал бессмертные слова».

СЛОВО ОБ АБАЕ (Вместо предисловия)

Алихан БУКЕЙХАНОВ:

«Абай, как это покажут его стихи, представлял недюжинную поэтическую силу и составляет гордость казахского народа. Еще не было казахского поэта, так возвысившего духовное творчество народа, как Абай. Чудные его стихи, посвященные четырем временам года (весна, лето, осень и зима), сделали бы честь знаменитым поэтам Европы».

1905 г.

Джордж КЕННАН:

«Г. Леонтьев, которому я задал несколько вопросов о местной библиотеке, сказал мне, что она не только доставляет большое удовольствие ссыльным, но и расширяет умственный кругозор местных обывателей.

— Даже киргизы пользуются ею. Я знаю старика-киргиза, — Ибрагима Конобай, который не только посещает библиотеку, но читает даже таких авторов, как Милль, Бокль и Дрэпер.

— Неужто в Семипалатинске есть киргиз, способный читать Милля и Дрэпера? — воскликнул удивленный студент.

— Смею Вас уверить, в первый же раз, как мы с ним встретились, он удивил меня просьбой объяснить ему разницу между индукцией и дедукцией. А потом я убедился, что он серьезно изучает английских философов и читает всех названных мною авторов.

— И Вы думаете, он понимает прочитанное? — допытывался все тот же студент.

— Я два вечера подряд экзаменовал его на счет «Умственного развития Европы» по Дрэперу, — видимо, понимает».

«Сибирь и ссылка»,
Петербург, 1906 г.

Султанмахмут ТОРАЙГЫРОВ:

«Мы должны теперь освобождать язык от головоломных элементов религиозного языка Самарканда, Туркестана, Бухары и Ташкента, создать язык искусства, пропитанный европейской культурой. Образец такого языка нам дал Абай. Надо учить язык Абая...».

1911 г.

Ахмет БАЙТУРСЫНОВ:

«Первый поэт казахов Абай Кунанбаев. Ни в раннем, ни в позднем периоде истории казахов не известно имя поэта, превосходящего его по величию духа».

1913 г.

ШАКАРИМ:

«Ибрахим мырза жил в казахской степи, потому и не получил должного признания в мире. А был он гениальным поэтом, просветителем, философом. Он родился в ничтожной среде и прожил унижительную жизнь».

1914 г.

Миржакун ДУЛАТОВ:

«Насколько мы будем удалены от дня смерти Абая, настолько будем сближаться с ним духовно, в этом не может быть и крупницы сомнения. Положение народа не может оставаться неизменным, со временем народ просветится, напитается плодами знаний и искусства, слава Абая будет расти изо дня в день. Потянутся люди к праху Абая, называя его первым своим поэтом, и тогда светом любви продлится и укрепятся узы между народом и Абаем. Нам не суждено стать свидетелями тех дней, но дух наш услышит и возрадуется».

1914 г.

Кудайберген ЖУБАНОВ:

«Достаточно отметить лишь выдающийся вклад Абая в формирование нашего литературного языка, не говоря уже о его поэтическом мастерстве и других достоинствах. Нетрудно убедиться в том, что своей поэзией и прозой Абай значительно опередил своих предшественников, проложил новую дорогу и столь совершенного поэта, как Абай, не было не только среди казахов того времени, но и у соседних народов».

1934 г.

ДЖАМБУЛ:

Что это? Абая ли это портрет?
Могущества слава и песни расцвет!
Умом и отвагою равно велик,
Какой же с Абаем сравнится поэт?

Величье акына он гордо вознес,
Грядущего славным примером возрос.
Аргын и найман удивлялись ему,
Словам, уподобленным яркости звезд.

Течением мысли, как море, глубок...
А сердце мне шепчет: «Он был одинок...»
Без радости, но с душой непреклонной,
С досадою гений из мира ушел.

1940 г.

Сабит МУКАНОВ:

«Не все гении — поэты, не все поэты — гении. Абай был и тем, и другим».

1945 г.

Леонид ЛЕОНОВ:

«Нужно, поистине, обладать крылатым умом и орлиным зрением, чтобы на перекрестке исторических судеб не потеряться. Могучим голосом надо обладать, чтобы поведать своему народу о даях, видных с поднебесной высоты и, наконец, редкостной смелостью обладать надо, чтобы возвысить этот голос в условиях, царивших здесь столетия назад и, по слову знаменитого стихотворения, «гордо презирать невежество и тьму».

Таким был Абай Кунанбаев — человек-маяк своего народа.

1954 г.

Мухтар АУЭЗОВ:

«Поклонник критического разума, просвещенный и пламенный борец за культуру, трагический одиночка в мрачной среде ханжей, стяжателей, косных седобородых старшин-феодалов, Абай был выдающейся фигурой не только в истории своего народа, но и в истории всего Ближнего Востока. Он шел вперед своим путем сквозь мрак и косность эпохи.

Нашему поколению Абай с его бессмертными творениями, воспоенными соками народной казахской и русской классической поэзии, представляется явлением поразительным. Горным тенистым кедром высится он в истории своего народа. Он взял лучшее от многовековой культуры казахского народа и обогатил эти сокровища благотворным влиянием мировой и русской культуры».

1954 г.

Олжас СУЛЕЙМЕНОВ:

Вблизи Чингизских гор его могила,
Исколотая желтыми цветами;
Голодными, немилыми, нагими
К могиле приходили на свиданье.

И пили, усмехаясь, горечь песен,
И, колыхаясь, колебались травы.
Цветы желтеют грустно,
Как отрава...
Вблизи Чингизских гор его могила.

1962 г.

Чингиз АЙТМАТОВ:

«Как олицетворение интеллектуальности, нравственной и духовной культуры своего народа Абай есть, несомненно, национальное достижение мирового порядка».

1967 г.

Абдижамил НУРПЕИСОВ:

«Мы знаем, что поэт не был пассивным наблюдателем или праздным созерцателем с циничной ухмылкой на самодовольном лице, а был страстным поборником справедливости и чести на земле.

Зерна разума и добра, брошенные рукой поэта, казалось бы, даже в безнадежную скрягу-почву, ныне дают щедрые свои всходы. И Абай, пережив свою эпоху, теперь уверенно продолжает свою духовную и нравственную жизнь с нами».

1971 г.

Абиш КЕКИЛБАЕВ:

«Как одиноко возвышающиеся в широкой степи загадочные Чингизские горы явились следствием мощной вулканической деятельности, так и Абай-поэт был рожден столь же мощным духовным пробуждением народа. Подобно тому, как одинокая гора Чингиз-Тау бросила вызов унылой гладкости и безликости степи, Абай, словно могучая скала, поднялся над безвестностью, безымянностью казахской культуры.

Как и великий Пушкин в истории русской культуры, Абай в культуре казахского народа является «началом всех начал», Начатый Абаем поход в будущее, к новому, неведомому, к светлым идеалам человечества продолжается на свободной казахской земле, и никогда не погаснет в сердцах потомков благословенный огонь его поэзии».

1971 г.

Генеральный директор ЮНЕСКО
господин Федерико МАЙОР:

«На XXVII Сессии ЮНЕСКО, прошедшей в ноябре 1993 года, представители 180 стран, членов этой организации, единогласно приняли решение о достойном проведении 150-летия со дня рождения Абая. Ибо Абай — личность мирового значения. Он не только своими поэтическими чувствами повлиял на читателя; он мудрец, мыслитель, сеявший в сознание человечества семена гениальности. Он истинный ученый; можно сказать, святой, рожденный самим Всевышним. От поэзии его веет любовью и состраданием к человеку. Она также призывает к непримиримой борьбе с мраком и невежеством, окутывающими светоч души. Поневоле даешься диву, с какой гармоничностью сочетаются его гуманистические идеи с классической философией Европы. Не будет преувеличением, если я скажу, что проблемы, волновавшие некогда казахского поэта, и поныне затрагивают самые сокровен-

ные струны представителя любого народа. Если смотреть с позиции нашего времени, Абай не только казахский, а всечеловеческий поэт. Я повторю еще раз. Абай — гигантская личность, стоящая вровень с титанами мировой поэзии. И потому мы посчитали целесообразным провести 150-летие Абая в 1995 году в штаб-квартире ЮЧЕСКО».

1994 г.

* * *

О сердце, свой жар остуди,
На отдых пора нам с тобой.
Что вечно ты ищешь? Найди
Желанный прохладный покой!
Когда ты замолкнешь в груди —
Беды черноглазым не ждать.
Найдут себе друга опять
И счастье найдут впереди.
Ты бродишь в тоске по ночам,
Стремишься к черным очам.
Я крепко сержусь на тебя.
Себя без остатка губя,
От горьких ты высохло дум.
Когда ж ты возьмешься за ум?
О сердце, само посуди,
Опасный ты выбрало путь.

О сердце, свой жар остуди,
Степнным и сдержанным будь.
Но благоразумный совет
Тебе не пойдет ли во вред?
Красавица разве поймет,
Что скрыл обманчивый лед
Пыланье опущенных глаз,
Невысказанные слова?
Что напоминала не раз
Любовь про свои права?

Что песни твоей ручей
Иссякнет в бесплодном песке?
Что ты увязнешь в тоске,
Противясь воле своей?

О сердце, свой жар остуди,
С печалью расстанься пустой.
О сердце, само посуди,
Проходит все под луной.
И время наше прошло.
Я знаю, тебе тяжело,
Пора уже наша не та,
Не те уже наши лета!
Что дальше? Опомнись, дружок!
Куда мы с тобой придем?
Пусть преданностью и трудом
Я милой вниманье привлек,
Пусть прежняя власть мне дана,
Пусть может, как прежде, она
Склониться к нашей мольбе,
Любовью ответить тебе, —
От этого ждать ли добра?
Не та уже наша пора!
Супруга мы честь оскорбим,
Пред богом ответим своим...
Пусть пламень твой не погас,
Пусть любят красавицы нас, —
Не лучше ли нам с тобой,
О сердце, уйти на покой?
О сердце, свой жар остуди,
Не надо огонь расточать.
О сердце, само посуди,
Недолго ты будешь стучать...
А годы пройдут чередой,
Не сберегая огня,
Тебе не скажу я: «Стой!» —

478010

Само замолчишь у меня.
Не рвись к забаве пустой,
Остынь, не гори, не шуми,
Тебя не хватит, пойми,
Сожжет тебя эта гроза!
Себя ты не расточай.
Пусть черные жалят глаза,
А ты им не отвечай...
Зачем нам скакать с тобой
По кочкам, колючей тропой,
Покоем своим рисковать,
Пред взором своим рисовать
Услады минувших дней?
Мы станем смешного смешней,
Коль глупо себя поведем.
Другим на глаза попадем,
Себя превратим в мишень,
Разденут, побьют подчас,
Убьют насмешкою нас:
К закату склонился наш день...

О сердце, свой жар остуди,
Того, что прошло, не буди,
Свой нрав горячий исправь,
Красавиц в покое оставь,
Одну избери для любви,
Подругой ее назови,
Подругой на все года.
Она принесет с собой
Мне — радость, тебе — покой,
И будет с нами всегда...

1881

Перевод С. Липкина

* * *

Холод, жар... Молод, стар,—
Каждый знал страсти власть.
Но, родник дивных чар,
Без следа сгинет страсть.

Ясный свет юных лет,
Вера в жизнь и мечту,—
С чем сравнить вешний цвет,
Юных лет красоту!

То, гордясь, говоришь:
«Помню я счастья дни!»
То, стыдясь, говоришь:
«Что мне в них, где они!»

Эти дни для тебя —
Смутный сон, жалкий бред.
О былом, прожитом
Толковать смысла нет.

Слов живых не дано.
Ты весь век жил темно
И чужих слов живых
Не поймешь все равно.

1883

Перевод М. Петровых

Летом, когда тенисты деревья,
 И буйно цветут цветы на лугах,
 И на широких речных берегах
 Шумно раскидываются кочевья,
 Так высока в степи трава,
 Что спины коней видны едва.
 Вволю насытившись, кобылицы
 Не в силах, кажется, пошевелиться:
 Тихо стоят они у реки,
 Хвостами мух отгоняя лениво.
 Лишь весело скачут, резвы на диво,
 Жеребята и стригунки.
 Гусей и уток крикливых стаи
 То опускаются, то взлетают...
 Смехом и криками оглашая
 Степной простор далеко вокруг,
 Женщины юрты ставят ловко.
 Видны уверенность и сноровка
 В плавных движениях белых рук.
 Бай, объехав свои отары,
 Довольный скотом и самим собой,
 На статном коне трусит домой
 К закипающему самовару.
 Хозяйка льет из сабы кумыс.
 Уже домочадцы в кружок сошлись,
 А мальчик, посланный батраками,
 Вертится рядом, ластясь к маме,
 Просит жалобно: «Мяса дай!»
 В тени навеса готовят чай.
 И в ожидании горячего чая,
 На кошах важно усевшись, баи
 Ведут беседу между собой.
 Пока один, не в меру болтливый,
 Трещит не смолкая, другие учтиво

Кивают рассказчику головой.
 Старец дряхлый в белой рубашке
 Кричит чабанам: «Отгоните скот!»
 Мечтает бедняга, что бай позовет
 И угостит кумысом и барашком.
 Табунщики на лошадях лихих,
 В чапанах, поясом стянутых туго,
 К аулу спешат, обгоняя друг друга,—
 Усталыми кажутся лица их.
 А группа юношей с ловчей птицей
 На уток охотится и веселится.
 Если выпущенный из рук
 Стремительно беркут ввысь взвоется
 И крупного селезня схватит вдруг...
 Что было — прошло, и уже не вернется
 К бедняге, дряхлому старику.
 Он сделал все на своем веку
 И, праздно стоя на берегу,
 В угоду юношам громко смеется.

1886

Перевод А. Жовтиса

Поэзия — властитель языка,
Из камня чудо высекает гений.
Теплеет сердце, если речь легка,
И слух ласкает красота речений.

И если речь певца засорена
Словами, чуждыми родному духу, —
Такая песня миру не нужна.
Невежды голос люб дурному слуху.

Коран с хадисом славны вязью слов,
В них мысль узорно вплетена в реченья,
Когда б не рифмы, не соблазн стихов,
Пророки бы молчали, без сомненья.

Молящийся в мечети мудрый муж,
Ученые, чьи в полночь пылки споры, —
Все любят красноречие. Кому ж
Не любо ткать словесные узоры?

К стихам стремятся смертные равно,
Но лишь избранныка венчают славой,
Того, чьей мысли золотой дано
Блестать стиха серебряной оправой.

На старых биев ныне погляжу:
Пословицами речь отягощали.
Иных певцов глупцами нахожу —
Из мусора стихи они слагали.

В толпе с кобызом пели и с домброй,
Хвалили всех, скитаясь по дорогам.
Бродили попрошайками порой,
Позоря песню, проклятые богом.

Вродяга за подачку расточал
Душевный жар свой, теща встречных лестью.
На стороне чужой, ценой похвал,
Он добивался невысокой чести.

Он шел туда, где бай и где хвастун,
Но подаяньем не менял удела.
И дешевели звуки звонких струн,
И жажда песни в людях все скудела.

Как старый бий, пословиц не леплю,
Не бормочу, на грош меняя душу.
Слова скупые, верные люблю,
И ты простую речь мою послушай.

Кичливых мог бы славить богачей,
Красавиц легкой веселить забавой.
Бряцание пустых моих речей
В их жизни было б сладкою приправой.

Немногим по душе благой совет,
Иной безумец лишь упрямству верен.
Надеждой лишь для знати полон свет.
Простите, если мой укор чрезмерен.

Все норовят связать сосну с лозой.
Все жаждут жить спокойно и привольно.
Хвастун и льстец поймут ли оклик мой?
Найдется ли из тысячи достойный?

Плутам одна нажива дорога,
Иному хитрецом прослыть охота.
Затеяв драку: «Бей, — кричит, — врага!» —
Авось он под шумок ухватит что-то.

Терпенье, совесть, гордость — не в цене,
И к мудрости и к чести люди глухи,
Не ищут знания — лишь в слепой возне,
Как шерсть, прядут пустую ложь да слухи.

1887

Перевод В. Звягинцева

* * *

Если умер близкий — скорбен человек,
Сердце злой утратой ранено навек.
Почему ж он в песню облакает боль,
Жемчуг слез роняя с увлажненных век?

Жениха ль встречают, правят брачный той
Или по аулам ходят с молодой, —
Кнаменде поют там, бет-ашар, жар-жар,
Не цвести без песни радости земной!

Родился младенец — пир, шильдехана,
И ночами песня звонкая слышна.
Вспомни, что стихами изъяснялся бий, —
В песне мудрость предков нам сохранена!

Двери в мир открыла песня для тебя.
Песня провожает в землю прах, скорбя.
Песня — вечный спутник радостей земли.
Так внимай ей чутко и цени, любя!

Если не откроешь ей любовно слух,
Если не постигнешь сокровенный дух, —
Не споешь ты песню, не поймешь ее!
Но молчать ли песне, если ты к ней глух?

Стих — узор словесный, стих — что кружева.
Пригнанные тесно, в нем поют слова.
Если слово звучно, если мысль верна, —
Не отвергнуть песни, песня ввек жива!

Слово не взволнует сытого глупца.
Видят мудрость только зрячие сердца.
Но и тем, кто ценит слово, песню пой
В час, когда открыты души для певца,

Не проси за песню денег и наград:
Ты ж, пропевши песню, не понес утрат!
Продающих песню дальше обходи,—
Песню пой пред теми, кто ей сердцем рад.

Средь толпы немного ты найдешь таких.
Ты не отдавай ей на потеху стих:
Отвернется вскоре для других забав,
Мало кто услышит мудрость слов твоих!

Шортамбай, Бухар-Жырау и Дулат,—
Сколько в их твореньях пятен и заплат!
О, когда б нашелся хоть один знаток —
Вмиг изъяны б эти обнаружил взгляд!

Мастерство и правда — в этом цель певца,
Чтоб раскрыть не только очи, но сердца,
Дать примеры юным, просветить невежд.
Даже нет и в мыслях — забавлять глупца!

1888

Перевод П. Карабана

ЗИМА

В белой шубе, плечист, весь от снега седой,
Слеп и нем, с серебристой большой бородой,
Враг всему, что живет, с омраченным челом,
Он, скрипучий, шагает зимой снеговой.

Старый сват, белый дед натворил много бед.
От дыханья его — стужа, снег и буран.
Тучу шапкой надвинув на брови себе,
Он шагает, кряхтя, разукрашен, румян.

Брови грозно нависли — нахмуренный вид;
Головою тряхнет — скучный снег повалит.
Злится он, словно бешеный старый верблюд,
И тогда шестистворная юрта дрожит.

Если дети играть выбегают во двор,
Щиплет нос он и щеки им злою рукой;
В армяке, в полушубке дубленом пастух
Повернулся к холодному ветру спиной.

Конь разбить безуспешно пытается лед,
И голодный табун еле-еле бредет.
Скалит жадную пасть волк — приспешник

зимы.

Пастухи, день и ночь охраняйте свой скот!

Угоняйте на новое место табун,
Не беда, если вам не придется поспать,
Лучше вам с бедняками делиться скотом!
Не давайте волкам средь степей пировать!

1888

Перевод Вс. Рождественского.

Тихой ночью при луне
Луч в воде дрожит слегка.
За аулом в тишине
По камням гремит река.

Листья дремлющих лесов
Меж собою говорят.
Темной зелени покров
Землю всю одел до пят.

Горы ловят дальний гул,
Крик пастуший — в тишине...
На свиданье за аул
Приходила ты ко мне.

И отважна и кротка,
Ты прекрасна, как дитя,
Прибежав издалека,
Дух с трудом переводя.

Места не было словам.
Помню сердца частый стук
В миг, когда к моим губам
Молча ты прильнула вдруг.

1888

Перевод Ю. Нейман

ВОСЬМИСТИШИЯ

Издали зовет,
От души идет,
Заставляет нас трепетать;
Он всего острей,
Он всего быстрее,
Может к месту лань приковать.
Многоликий, гибкий язык,
Ты в устах народа велик!

Нет, игле стальной
Никакой ценой
Не поспеть за узорами слов!
Сможет жемчуг-нить
Умный оценить,
А дешевка — радость глупцов.
Помолчите, слова, сейчас,
Тугоухий не слышит вас!

У невежды есть
Чванство, глупость, лезть
Да веселье беспечных дней.
Он всегда с толпой,
Так и льнет к тупой,
Так и следует всюду за ней.
Если мысль слепа или мысли нет,
При себе ты оставь свой бред!

Вся душа в огне,
Холод по спине,
Лишь увидишь глупцов, их ложь.
Трижды умным будь,
Укажуй им путь —
Похвалы у них не найдешь.

Но бесстыдству верны и тут.
Не дослушав, они заснут.

Им бы козни вершить,
Им бы сплетнями жить,
Пустозвон заодно с хитрецом.
Что благой совет!
В нем и смысла нет:
Сын не хочет ладить с отцом.
Пусть без устали мелют уста —
В голове одна пустота.

К счастью не придешь,
Измышляя ложь.
Сплетни — промысел пустомель.
Чванство, хвастовство,
Пьянство, мотовство —
Вот их жизни беспутной цель.
Мысли ищущей глубина
Никому из них не нужна.

Ты сердечным будь,
Человеком будь
И трудись, не жалея сил.
Сплетни, болтовня,
Глупая брехня...
Ты такой сам себе постыл.
Коль упорны твои труды,
Попрошайкой не будешь ты.

Ты пахать умей,
Торговать умей
И достаток дома блюди.
Будь, жена, верна,
Муж, трудись сполна,
И тогда — успех впереди.

Коль казах казаху не друг,
Будет жизнь постылой вокруг.

Защити свой скот,
Избегай забот,
Не давай себя унижать.
Сгинь, насилья ночь!
Властолюбье, прочь!
Да не смогут подняться опять!
Пусть проснутся совесть и честь.
Знай, в словах этих правда есть!
Коль ты слишком сыт,
Труд тобой забыт, —

Развращен такой человек.
Споря о пустом,
Другу став врагом,
Ты в ничтожестве кончишь век...
Клеветал ты, лгал, доносил.
А раскаяться хватит сил?

Кто учил тебя
Жить, разбой любя,
Кто твоим советчиком был?
Но придет имярек,
Честный человек,
Он остудит преступный пыл.
Заблужденья твои — как знать? —
Палачом твоим могут стать.

Нет, не плоть, а дух,
Как в огне, мой друг,
Голова моя тяжела.
На щеке слеза,
Горе жжет глаза,
И на душу тяжесть легла.
Где разврат, разгул и разбой,
Там беда берет власть над тобой.

Жизнь моя коротка,
А цель далека,
И силы мои сочтены.
Улетают дни —
Не вернутся они,
Мы в гордыне коснеть должны.
То, что прожито, — не вернуть,
Без запасов я вышел в путь.

Вижу: чести сын —
На сто сот один,
А правдивых ни одного.
Молодость ушла,
Голова бела,
В суете не познал ничего.
Зря потел средь клевет и зол,
В унижении жизнь провел.

Краснобай и лжец
И всезнайка-льстец,
От тщеславья все их труды.
Эти любят лезть,
Любят кверху лезть,
Унижением народа горды.
Проклянут тебя и — пропал,
Позовут — в небеса попал.

Пусть народ пуглив,
Ну, а ты чем жив,
Ты, пугавший родной народ?
Жаждай славы томию,
Ты следишь за ним —
Что он делает, как живет.
Коль блудливая баба хитрит,
Жалок муж, что ее сторожит.

Что успеть ты смог,
Если сам одинок
И шагаешь, растерян, с трудом.
Те, с кем дружен теперь,
Кому нужен, верь,
От тебя отвернутся потом.
Чужеродный вор и хитрец
Одолеют тебя вконец.

Вся в крови голова,
Приподнялся едва,
А угодничать снова спешишь.
Истомлен до костей,
Перед силой властей
Ты опять, как всегда, лебезишь.
Где же совесть твоя — дай ответ.
В жизни этакой пользы нет.

Лишь собака брехнет,
Мальчик палкой взмахнет
И погонится тут же за ней.
Люди хором стыдят,
На мальчишку кричат:
«Перестань! Собаку не бей!»
Устыдился. То же с тобой
И с постыдной твоей судьбой.

Кто пытлив — смелей
Мир познать сумей.
Было б только желанье познать.
А невежда слепой
Занят только собой,
Лишь поесть бы ему да поспать.
И не тот, и не этот я,
Все ж судьба не завидна моя.

Я знаний искал —
От скитаний устал,
Я глядел и туда и сюда.
Но и там и тут
Ложь и лень цветут,
Ведь невежды боятся труда.
Если хочешь погибнуть скорей,
Стань на палубы двух кораблей.

Я с утеса кричал,
Мне простор отвечал —
Отвечали и горы, и дол.
Но, услышав звук,
Я искал вокруг:

Как, откуда тот звук пришел?
Был все тот же утес подо мной —
Отклик есть, но отклик пустой.

Всадник вдаль поскакал,
Пешеход отстал.

Кто признает тебя, кто поймет?
Боль в груди сильна,
И слеза солона,

Пламя жаркое сушит рот.
Если весь я горю в огне,
Не рыдать не под силу мне.

Камнем мягкий пух
Обернулся вдруг:

Так жестка постель — не уснуть.
Но галдит толпа,
Весела, слепа...

Что б подумать — в чем жизни суть!
Хитрость, ложь осаждают нас
В трудный час, испытанья час.

Велика семья.
Широка родня —
Одиноким быть нет причин.

Велика семья,
Но не понят я,
И живу среди людей один.
Как могила шамана, я
Одинок — вся правда моя!

1889

Перевод Л. Озерова

Шлю, тонкобровая, привет!
Похожей не было и нет!

Когда тоскую по тебе,
Мне слезы затмевают свет.

Ты лучше всех. За сотни лет
Подобной не был мир согрет.

Одной тебе моя любовь,
Твой образ — он давно воспет.

И пусть я стану нищ и сед,
Но мне иной дороги нет;

Ты в сердце у меня живешь,
Во сне преследуешь, как бред;

И ни враги, ни злой навет,
Ни женщины чужой привет

Не смогут остудить во мне
Твоей красоты горящей след.

На тесном ложе хоть на миг
Припасть к пожару губ твоих,

Вдыхать пьянящий запах кос
И грудей маленьких, тугих;

В глазах бездонных и сухих
Увидеть страсть, глядеться в них

И понимать, что ты одна,
Что нет таких, как ты, других.

Тобой насытиться нельзя, —
Рукою по шелкам скользят.

Я замираю, потрясен,
И ты огнем пылаешь вся.

Мы — вместе... Юрта нам мала.
Но ты не здесь, ты не пришла...

И все ж я — сокол, и тебя
Настигну, где б ты ни была.

В тебе — ни жадности, ни зла;
И горделива, и смела,

Ты час от часу ближе мне,
Ты мне все более мила.

Приди, приблизь свиданья час.
О мой фазан, позволь хоть раз

Прильнуть к тебе и заглянуть
В горячий мрак бездонных глаз!

1889

Перевод П. Шубина

Своим письмом к себе маня,
Сумел ты покорить меня;
Решай же сам мою судьбу,—
Мне без тебя не жить и дня.

Льстецов настойчивых гоня,
Жар неподдельного огня
В тебе я вижу, для тебя
Нет слов отказа у меня.

Твои слова умны вдвойне,
Я — словно масло на огне:
Слова горят в моей груди,
И закипает кровь во мне.

Умчишь с собою на коне —
Я буду счастлива вполне;
Уйдешь — несчастнее меня
Не будет девушки в стране.

Но милость любящей яви:
Меня на слове не лови,
Не увлекай, не унижай,
К себе в насмешку не зови.

Уж лучше сразу отрави,—
Потухнет жар в моей крови;
Мне лучше умереть, чем лечь
С другим на ложе без любви.

О дерзкий сокол боевой,
Ты сыт добычею живой!
Немало девушек стоят
У входа в дом просторный твой.

Но если ты навеки мой,
Не надо мне судьбы иной.
Ты — белый сокол, я — фазан,
Бери и насыщайся мной.

Пусть шелковинкой полевой,
Тростинкою береговой
В твоих объятьях изогнусь,
Замру от страсти огневой.

Обдумала ответ я свой,
И простодушный и прямой,
Пойми слова мои, джигит,
Почувствуй сердцем и душой...

Пусть каждый юный и седой
Запомнит мой ответ простой
И сложит песню и зажжет
Сердца джигитов песней той.

И слово песни золотой
Пусть радостью, а не бедой
Звучит для всех, кто полюбил,
Для всех, кто сердцем молодой.

1889

Перевод П. Шубина

BECHA

Как весенней порою шумят тополя!
Ходит ветер, цветочною пылью пыля,
Все живое обласкано солнцем степным,
Словно мать и отец, рада наша земля.

И смеется, и песни поет молодежь,
Да и старых по юртам ищи — не найдешь:
И со смертного ложа могли б их поднять
Песни, солнце, и ветер, и птичий галдеж.

На весеннем кочевье аулы сошлись,
В общей радости родственники обнялись,
А знакомые просто, шутя и смеясь,
Обо всем толковать по душам принялись.

Верблюжонка верблюдица громко зовет,
Блеют овцы, в кустах птичий гомон встает,
Мотыльки — над травой и в ветвях тополей,
Заглядевшихся в светлое зеркало вод.

Сколько птицы! В любом озерке и пруду
Тронь осоку — и лебедь пойдет в высоту.
Скачешь — смотришь, как спущенный
сокол ручной

Из-под облака лебедя бьет на лету.

Возвращаешься — девушка крикнет:

«Постой,

Покажи, что добыл, молодой, холостой!»

И все девушки лучший надели убор,
И долины в тюльпанах, как пестрый ковер,
В приозерных низинах гремят соловьи,
Им кукушки зарей отзываются с гор.

На верблюдах товары привозит купец,
У хозяев двоятся отары овец;
Тяжек труд земледельческий — вспашка, посев,
Но земля все же старицей воздаст под конец.

Благодатною радостью мир напоен,
Бесконечно украшен создателем он!
Материнскую грудь вскормила земля
Все, что солнцем зачал в ней отец-небосклон.

Как не верить нам в милость природы-творца,
Если в мире весеннем щедрот без конца,
Если тучен наш скот, если вдоволь еды,
Если радостно бьются людские сердца?

Дух весны из тихони творит храбреца.
Стали щедрыми все, кроме злого скупца.
Все дивится ликующей силе земной,
Все живет, кроме черного камня-гольца.

Старики одряхлевшие, снега седей,
Согреваются, смотрят на игры детей;
В голубых небесах — певчих птиц голоса,
На озерах по заводям — крик лебедей.

В полночь — яркие звезды, большая луна. Как же им не гореть, если полночь темна? Но померкнули они, лишь наступит заря, Животворного, ясного света полна.

Звезды прочь прогоняет невеста-земля,
Ведь жених ее — солнце, — о встрече моля,
Ждал всю ночь, и свидания час наступил,
И румянец зари покрывает поля.

Только ветер великих просторов земных
Долетит через тучи до звезд золотых
И расскажет, как счастлив с невестой жених,
Как весь мир согревается радостью их.

Ведь всю зиму земля, поседев добела,
Жениха своего терпеливо ждала.
И теперь она вновь, молода и светла,
Засмеялась, запела, как мак, расцвела.

Глянуть прямо на солнце — болеть слепотой.
Я, живущий великой его теплотой,
Только вечером видел, как сходит оно
В свой, повитый закатом шатер золотой.

1890

Перевод П. Шубина

* * *

Ты — зрачок глаз моих,
Пламень душ золотых.
Сердцу мук не избыть,
Столь глубок шрам от них.

И мудрец весь седой,
Покачав головой,
Скажет: «Нет, средь живых
Не встречал я такой!»

Весь в слезах я брожу
И тоской исхожу,
Жемчуг слов дорогих
Для тебя нахожу.

Не страшись, что в тиши
Говорю от души.
Иль самой невдомек!
Дивный день предреши.

Ты поймешь до конца,
Что палит нам сердца.
Взор твой скрыт, скромн вид,
Но горяч жар лица.

Холодна ты вполне
И к другим и ко мне.
Боль тая, слезы я
По твоей лью вине.

Косы тьмой, тьмой ночной
Над зарей, над рекой.
Лоб широк, взор глубок...
Ты лицо приоткрой!

Яркий рот — сладкий мед,
Блеск зубов — словно лед.
Потерял я покой,
Взгляд живой сердце жжет.

Гибок стан и высок.
Гнет его ветерок.
Ты бела, словно снег,
Ты нежна, как цветок.

Пусть дотла сердце сжег
Взор, что чист и глубок.
Страсти раб, я ослаб,
От любви занемог.

Ты грустна — даль темна.
Ты ясна — нам весна.
Смех твой — звон соловья,
Вся душа им полна.

То гневна, то нежна...
Не пьяни допьяна!
Что мне дом без тебя,
Мне и жизнь не нужна!

Как восход, как закат —
Зоревой твой наряд.
Лишь взгляну на тебя,
Жаждой весь я объят.

Лучше ты во сто крат
Всех похвал, что твердят.
Должных слов не найду,
Что восторг утолят.

Знает млад, знает стар:
Красота — божий дар.
Нам пророк повелел
Быть в сетях милых чар.

Мне слова не даны,
Стоны мне суждены.
Сердцу ты, только ты,
Шлешь мечты, даришь сны.

Все, как я, влюблены.
Все, как я, не нужны.
Сердца стон так звенит,
Что слова не слышны.

Но к тебе нас манит
Пламя ласк и обид.
Нежный смех чуть сверкнет —
Страсть сильнее закипит.

Кто не смел — не джигит.
Злая страсть нас томит.
Скоро ль день тот придет,
Что мой жар утолит?!

1891

Перевод М. Петровых

Загадка:

Их восемь — батыров, которых Аллах
Обрек на бессменную битву в веках,
Где поочередно они побеждают
И поочередно свергаются в прах.

Отгадка:

Загадка трудна, и не будь я поэт,
Едва ль отомкнул бы загадки секрет:
День с ночью, чет с нечетом, лето с зимою
И зло при добре — вот искомый ответ.

1891

Перевод *Е. Курдакова*

* * *

Природа смертна, вечен человек,
Он умер или нет — не кончен век.
Я разлучен был с Нею. О разлуке —
«Все это смерть», — один невежда рек.

Над нами широки судьбы права.
Мы часто в жизни держимся едва.
Но можно ли того назвать умершим,
Кто миру дал бессмертные слова?

Кто не полюбит жизни быстрину?
Ты хочешь видеть море — зри волну.
Себя ты не познаешь, друг мой, если
Ты не постигнешь мысли глубину.

Кто смерть хулил, тот жизни пел хвалу.
Я крайностей судьбою не слышу.
Кто жизни рад и равнодушен к смерти,
Того я жизнестойким не зову.

1895

Перевод *Л. Озерова*

* * *

На двадцать седьмом году
Мудрый мой Абдрахман угас.
Люди добрые, где найду
Столь достойного среди нас?!

Он богатство не ставил в грош,
Теплотой сердечной богат,
Презирав кичливость и ложь,
К цели шел, не страшась преград.

Был в ученье неутомим,
Скакуну-тулпару под стать,
Безучастный к делам мирским,
Мирозданье хотел познать.

Люди добрые, для чего
Долголетие тем, кто слеп,
Кто не хочет знать ничего,
Чья душа, как могильный склеп?!

Был мой сын умен и учен.
Рано бросил он Петербург,
Понимая, что обречен,
Но от нас утаил недуг.

То ли в шутку, то ли всерьез
«Краток век мой» — скажет при всех,
А заметят хоть признак слез,
Так поднимет тотчас на смех.

Он за век свой краткий постиг,
Что иной — за сотню годов:
Изучил он множество книг,
Видел множество городов.

На Кавказе был и в Крыму,
Посетил Сибирь, Туркестан.

Все давало пищу уму,
Жаден к знанию был Абдрахман.

Светел был его краткий путь,
Как полет звезды в звездопад.
Можно ль в чем его упрекнуть?!

Непоклончив, дерзостно смел,
Принял он от судьбы приговор,
Смерти прямо в глаза глядел,
Не потупил пред нею взор.

А о том, что нам, старикам,
И жене не вернул он долг,
На бумаге поведал сам
Перед тем, как навек умолк.

Он, что опытом и умом
Равен старцу был, мудрецу,
Уходя скорбел лишь о том,
Что не стал опорой отцу.

Он был вестник нового дня,
Завершаю я прошлый век...
Тяжела утрата моя!
Больно!.. Старый я человек...

Горем сломлен я пополам.
Слезы горькие лью ручьем,
Будто кто меня по глазам
Что есть мочи хлестнул бичом.

1895

Перевод Ю. Нейман

* * *

Прах мой истлеет, но сам не исчезну я, нет,
Хоть не порадует глаз моих вешний рассвет,
Хоть и разлуку такую с телесным моим
естеством

Смертью обычной назвать поспешит
легкомысленный свет.

Манит нас этого мира лукаво-обманчивый зов,
Словно коня, нас стреножить он сетью
обмана готов.

Можем ли мы человека умершим назвать,
Если оставил в наследство он
мудрость бессмертную слов?

Все привязаны к жизни, но ты
рассудительней будь,
В кратком пути созерцая лишь вечности путь;
Хочешь постичь этой жизни страданье и зло —
В недра спокойных раздумий спеши заглянуть.

Друг этой жизни для мира иного чужой,
Делятся сферы миров недоступной межой.
Жаден ты к жизни, боишься загробной

страны —
Смело скажи, что не хочешь ты верить в нее
всей душой!

1895

Перевод М. Касаткина

* * *

Чужим я чувствую себя среди стариков,
Не нахожу с детьми своими общих слов,
От сверстников, хотя б они родными были,
За тридевять земель я убежать готов.

Обилья прежнего ни в чем давно уж нет,
Блуждаю, в рубище унылое одет,
Все стало мне безвкусным — сон и пища,
И головою я и бороною сед.

Тому, кто юн, страшна угроза клеветы.
А ты, утративший все юные мечты,
Старик, ворчун, двора чужого дряхлый сторож,
Ты выжил из ума, кому же нужен ты?

1896

Перевод О. Румера

* * *

Весь мир эта песнь облетит кругом,
Согретая мысли твоей огнем,
Мелодия — мысли светлая тень —
Пусть нежит наш слух в звучаньи своем.

Несется на крыльях порыв твоих дум,
Баюкая сердце, тревожа ум;
Напевы таят всю радость земли, —
Глухой лишь не слышит их властный шум.

Чт:

И спящее сердце песни зовет,
С собою уносит в бескрайний полет,
Будя то печаль, то желаний рой,
Как няня дитя, его обоймет.

Но много ли тех, кто, напев уловив,
Свой отклик пошлет на его призыв,
Чье сердце волненьем охватит он,
Прекрасный и грустный, как шелест ив?

Тоскует, скорбит и манит запев,
Душою ему внимать повелев,
И вот уже с ней, покорной, слились
Вся страстность его, и любовь, и гнев.

Есть песня пустая, есть песня-друг:
Одна, все фальшивя, терзает слух,
Другая, как речь мудреца, звучит
И ввысь уносит усталый дух.

В шесть строф я вложил всего сердца пыл,
Для чутких всю суть моих слов открыл, —
Тупиц озадачат они — так что ж?

Другим я пою, кто Абаю мил;
Смысл песен моих будет ясен тем,
Кто в сердце своем огня не гасил.
Она для тебя — ключевая вода.

Весна — впереди, позади — холода,
Веселье — в грядущем, в былом — беда.
Хорошую песнь всей душой прими,

1896

Перевод М. Касаткина

* * *

Красивой песней под струнный звон
Ты весь охвачен в ночной тиши.
Песни меня забирают в полон,
Люби их, как я, — от всей души!

От дел привычных уйти спеша,
Я забываю весь белый свет.
Внимает песне моя душа,
И пламенем сердца я согрет.

Так воду нашедший в степи глухой
К ней приникает жадным ртом.
И что ему люди с их толкотней,
Его оттесняющие плечом?

Я вспоминаю былые дни:
То горе, то радость, то любовь —
И все, что было мечте сродни,
Живую плотью одето вновь.

Вновь наполняет уши мои
Шорох давно отлетевших дней;
К мыслям былым влекусь в забытьи,
Прошное в сердце встает ясней.

И начинает земную лесть
Правдой считать душа моя.
Разве на свете отрава есть,
Какой бы не выпил до капли я?

1897

Перевод Вс. Рождественского

ГАБИДОЛЛЕ

Подснежник ранний, ветренный и нежный, —
Ему еще неведом путь земной,
Пустился в рост в надежде безмятежной.
Перераста деревья над собой...
А приняла осенняя земля
Сухую плоть не выше ковыля...

Ты тоже был исполнен нетерпенья
Достичь того, что виделось вдали,
Но пыл иссяк, погасло наважденье, —
Морщины сплошь чело пересекли.

1897

Перевод Е. Курдакова

* * *

Просто — вымолвить «Аллах»,
Но не прост к Аллаху путь.
Бог в душе, но не в словах,
И Его не обмануть.

Жизнь твою, тебя всего
Он направит вновь и вновь,
Если к имени Его
Обратишь свою любовь.

Не постичь Его умом,
И слова бессильны здесь.
Но оставь сомненья в том,
Что Он будет, был и есть.

Просто, нет ни чувств, ни слов,
Чтоб душой освоить то,
Что схоласт и богослов
Болтовней свели в ничто.

1897

Перевод *Е. Курдакова*

* * *

Этих воплей шум пустой
Трудно песнями назвать.
Трудно страждущей душой

Здесь опору отыскать.
Споры неучей, галдеж,
Поучения невежд...
Поневоле пропадешь
В этой жизни без надежд.

1897

Перевод *Е. Курдакова*

НА СМЕРТЬ СЫНА ЖАМАНБАЛЫ

Знакомо всем понятие — смерть, —
Но неизвестно, что за ним, —
Что это значит — умереть,
Не быть совсем иль стать иным?

1898

Перевод *Е. Курдакова*

* * *

О порыв души огневой,
Твой отточен и меток луч,
Словно молния перед грозой,
Что прорвалась из черных туч.
О язык мой, о пыл стихов,
Непонятен ты для глупцов!

Дерзновенных помыслов пыл
Превратил мой язык в копье,
Чтоб в бою он сил не шадил
И явил искусство свое.
Но по-прежнему спит народ,
И ничто его не проймет.

Слово, понятное умом,
Ускользает, как звук пустой,
Но по жилам течет огнем,
Коль берешь его всей душой.
Люди учат, поют мой стих,
Но он темен еще для них.

1898

Перевод Вс. Рождественского

* * *

Не познал я тебя, не увлек,
В злом бессилье, стыдась, изнемог,
Чтоб, не тронув, расстаться с тобой,
Даже в ласках не ставшей родной.

1899

Перевод Е. Курдакова

* * *

На сорок лоскутьев тоскою
Растерзано ты — каждым днем...
Как же сердцу дожить в покое,
Изверившемуся во всем!

Те — взяты землей, те — враждою,
А как их любило ты!
Вражда и беда шли чредою,
И вот — ты среди пустоты.

Лишь старость одна пред тобою
Во мраке, и выхода нет.
Беспечных утешит любое,
А где нам с тобою ответ?

А как ты горишь болью злою!..
Мечты! Оглянись на них
И вспомни величье былое
Желаний бесплодных твоих.

1899

Перевод М. Петровых

* * *

Пока не знаешь — молчи.
Пока блуждаешь — молчи.
В бесцельных днях и в ночи
Пустых забав не ищи.
Чтоб человеком ты был
И вровень с веком ты был,
Ты пятерых побори
И пятерых избери.
Злословье, ложь, хвастовство,
Безделье и мотовство —
Вот пять врагов твоих, знай.
А разум и доброта,
Упорство, скромность и труд —
Вот пять друзей, согласишься.
Увидев зло — отвернись,
К беде пороки ведут.
Добро увидев — о нем
Ты помни ночью и днем.
Коль с детства книги читать —
Ученым сможешь ты стать.
Не унывай, малонер!
Бери с великих пример.
Не говори: «Я не тот!»
Учись, и знание придет.
Никто не сможет помочь,
Коль ты, чуть вспыхнув, погас.

Учись не день и не час,
И будешь знаньем богат,
А знание — истинный клад.
За мудрым следуй смелей.
Не слушай вздорных людей.
Что аксакал или бай
Расскажут — сам осознай.
Словам впустую не верь,
Их суть продумай, измерь.
Срами нещадно глупца.
За правду стой до конца.
Пусть пошлость нагло груба —
Тем легче с нею борьба.
Будь скромнен, будь молчалив,
Мой горький опыт усвой.
О говорящем с тобой
Не думай: «Кто он такой?»,
А думай: «Что говорит?»
Мы помним славных певцов,
И мудрецов и вождей
Лишь по одним именам —
Их жизнь неведома нам.
Поверь, о юноша, мне:
Бесценны знания и ум.
Что чуждо их глубине,
Забудь, как суетный шум.
Достигни цели вполне,
Чтоб найденное сберечь.
На мудреца — сто глупцов —
Вот горькой истины речь.
Запомни, юный мой друг,
В речах, звучащих вокруг,
Правдивых слов не найдешь,
Для робких правда страшна,
Им в правде видится ложь.
Душа невежды мертва.

Пусты без мысли слова.
И сам учишь и учи.
Лишь знаньем жив человек.
Лишь знаньем движется век.
Лишь знанье — светоч сердец.
Лишенный учеников
Учитель — горький вдовец.
Людей суди по уму,
Но не по облику их.
Разумен будь и правдив
В делах и думах своих, —
Так мудрецы говорят.
Пойми совет их простой.
Да будет праведен путь
Твоей души молодой!

1886

Перевод М. Петровых

* * *

Вот и старость. Скорбны думы, чуток сон,
Ядом гнева дух угрюмый распален.
Мыслью не с кем поделиться! Кто поймет,
Кто ободрит, услышав твой тяжкий стон?

Всем рожденье и кончина суждены,
Дней минувших не вернуть из тишины,
Радость где-то остается позади,
Все проходит, все деянья непрочны.

Будь разумен, укрепляй свой дух в борьбе,
Лишь бездарный покоряется судьбе,
Лишь ленивец потрафляет большинству,
Скуден мыслью, неуверен сам в себе.

Людам низким не по нраву честный труд,
Самохвальством, плутовством они живут,
Но за подлость расплатиться срок придет:
Разбивается не в год, а в миг сосуд.

Должно жизнь свою сокровищем считать,
Разум острый и добро приобретать.
Не позор ли по аулам день-деньской
Время в шутках да кривлянье коротать?

Чужд невежде разум ясный, он скорей
Верит бредням, мыслью брезгует моею;
Разве каждый может правду оценить,
Небылице верит глупый — только ей.

Бредит дурень о багрянце заревом,
Об одеждах, шитых чудо-серебром,
С отвращеньем он относится к словам
Аксакала, что осведомлен во всем.

Мудрый зорко проникает в глубь вещей,
Расщепляет волос на сорок частей,
Он и судит, он и взвешивает грех,
А невежда вторит толкам площадей.

Враг народа шлет ему любви слова,
Ближних сгубит и оплачет, а едва
Свет удачи озарит кого-нибудь,
Воскликает: «Вот любимец божества!»

Тяжким бедам всенародным рад шайтан,
Ангел изгнан, ангел скорбью обуян,
Твердо знаю — не покается подлец,
Перейдет он к сатане в победный стан.

Властелина корчит нагло плут любой,
Рать вербует втихомолку, с хитрецей,
Но не будет подлый первым средь людей,
Он себя же гонит к яме роковой.

Ведь не всякий путь указывать рожден.
Тот, кто честен и правдив, блюдет закон.
Волостным все норовит безмозглый стать —
Будет всеми, как собака, проклят он.

1886

Перевод Д. Бродского

* * *

Джигиты, дорог смех, не шутовство,
Несходны внешний вид и естество.
Но если кто-то от души смеется,
То искренности верь, люби его.

Один пропустит все мимо ушей,
Другой проникнет в смысл твоих речей.
Есть и такой, кто понимает слово,
Но истолкует к выгоде своей.

Уж если любишь ты, так всей душой!
Сгори в огне, но на своем ты стой!
А розовые юноши линяют,
Как только прикоснешься к ним водой.

К порывам юные сердца зову.
Я человечность ставлю во главу.
Кто корыстолюбив и бессердечен,
Тот мелкий человек по существу.

Ты будь отзывчивым, как друг и брат,
И поделись со всеми, чем богат.
Да будет дружба искренней и честной —
И все дурные чувства замолчат!

Я собирающимся дам совет
Не портить пререкательством бесед.
Друг к другу проявите уваженье,
Которого у нас обычно нет.

Единодушие — отрада нам,
Неведомая неучам, глупцам,
Достойный человек не выдаст тайны
И клеветы не пустит по следам.

Твой пыл советую тебе сдержать,
На бабнике — бесчестия печать.
Джигит разборчив — не кобель, какому
Любая сука с улицы под стать.

Не увлекайся внешней красотой,
Не поддавайся страсти слепой.
Не обольщайся женщиной красивой —
Узнай, характер у нее какой.

Мгновенно гаснет пламя страстных нег
У тех, кто в смехе жен проводит век.
Кому лицо подруги верной скучно,
Тот просто недостойный человек.

Той женщине хвалу я воздаю,
Что душу знает наизусть твою,
Внимает каждому биенью сердца
И хочет жизнь тебе отдать свою.

Опасность женская краса таит,
Доступная для многих волокит.
«Кто может устоять передо мною?» —
Так чванная красавица твердит.

Хвала тому, кто действует, кто смел,
Кто гордым сердце пронести сумел!
А от неряхи, бабника, тупицы
Жди только сплетен и позорных дел.

Коль ты любим женой и любишь сам,
То это невдомек одним глупцам.
Где умный муж с женою благовравной,
Счастливую семью мы видим там.

Когда не легкомысленна жена,
Не даст к злословью повода она.

Свежа, гибка, подобна стеблю розы, —
В ее дыханье счастье и весна.

К богатству байской дочки не тянись,
Калымом малым бедной — не прельстись.
Но, если это дочь людей хороших,
Не будь глупцом, не упускай — женись!

Когда сидишь ты с другом у стола,
Пускай жена не морщится со зла.
Пусть уважение проявит к другу,
Лицом светла и сердцем весела.

Разборчивее выбирай друзей,
Отбрось развязных шутников скорей.
Но к разуму и красоте стремленье,
К познанию рвенье оценить сумеи.

Работать не желает молодежь:
И без труда, мол, тоже проживешь!
И смех ее дешевый — зубоскальство.
Ей свойственны одна корысть и ложь.

Плутуют молодые пошляки,
Им низкое торгашество с руки,
Повсюду склоки, драки и скандалы,
Друг друга предадут за пустяки.

Лишь малыши дружны между собой
И, ласковые, тешатся игрой.
Но все-таки в конце игры повздорят,
И тут начнется потасовка, бой.

Когда в слезах придет домой малец,
Мать раскричится и бранит отец.
Сходна и жизнь с такой игрой и дружбой.
Когда же этому придет конец!

Среди друзей случается такой,
Что тайно роет яму за спиной.
Верь лишь тому, в ком есть и честь,
и совесть,
Не мелочен лишь человек большой.

Пока у многих узкий кругозор,
И слово клеветы — орудье ссор.
Считают предприимчивым сутягу,
Который измышляет всякий вздор.

1886

Перевод А. Гатова

* * *

Жизнь уходит, и сбыться мечтам не дано,
Всюду зависть, стяжательство вижу одно.
Молодое пугает меня поколение.
Развращенное, труд презирает оно.

Бай берет, говоря: «Не останусь в долгу.
Я с лихвой заплачу, я в беде помогу».
Волостной или бий, поживясь, обещают:
«Твоему насолить мы сумеем врагу».

Занимает бедняк: «Я трудом отплачу».
Сотенный: «Слухи я по аулу пушу».
Вымогает и тут же грозит, проходимец:
«Отойду — не разыщешь, и след мой
простынет.
Буду действовать против тебя. Я таков».

А хитрец расточает иные слова:
«Расхвалю тебя — знаешь, что значит молва?»
Он себе на уме — поживиться бараном...
Как подумает, кругом идет голова!

Что ж, барашка зарежь, угощай им полдня.
«Мяса дам, если голос отдашь за меня!»
Все придут и поднимут галдеж, как вороны:
«Кто даст больше, тому я и друг, и родня».

Кто изменит — встречаясь, не склонен
краснеть.

Нарушителей клятвы привыкли терпеть.
Вот один из них лает, как злая собака:
«Я кусок оторву — будет сытная снедь».

Осчастливит начальник округу свою:
«Выбирай кого хочешь, свободу даю».
И от этого много пошло беспорядка.
А начальство грозит: «Растопчу! Истреблю»

Тот, кто предал, останется с грязной душой.
Упрекнешь — огрызнется: «Я в ссоре с тобой».
Человека не вижу, который сказал бы:
«Я доволен своей справедливой судьбой».

Сын отца предаёт, брата старшего — брат.
Я устал, я измучен и жизни не рад.
Если совесть и честь раболепствуют злату,
Пусть уста очерствеют, слова не звучат.

Заблудились казахи — и злость в их сердцах
Строят козни друг другу, темно в их глазах
Все корыстны, все ищут богатства и славы.
Ах, зачем ты их создал такими, аллах?

Так проклятье тому, кто клянется и лжет,
Кто за золото душу и честь продает,
Кто, вертясь в один день в сорока околотках,
Добывает себе и доход, и почет,

Кто в домашнем кругу у себя благороден,
А потом за коня он тебя предаёт.

1886

Перевод А. Гатова

Только юность одна — жизни счастливый цвет,
Но не думай, что ты так и не будешь сед.
Мы только в юные дни веселы и бодры,
Старость пришла — и вдруг видишь,
что счастья нет.

В юности всем легко песенки распевать,
Острым словцом своим, шуткою задевать,
Гордо в аул входить, к девушкам нежно
льнуть,—
Высшего счастья нам будто бы и не знать.

Мудрый такую жизнь лишь пустяком сочтет —
Лучше учитесь вы и собирайте скот.
Девушку любишь — люби только свою, одну,
Непостоянству в любви предан лишь
сумасброд.

Но выхаживать скот ленится молодежь.
Если всю жизнь гулять — и до беды дойдешь.
В юности прежде всего надо учиться нам.
Если ж не удалось — и честный труд хорош.

Бродишь ты по гостям, лучший надев наряд,
На удалом коне век гарцевать ты рад,
Но отощает конь, быстро пройдет почет.
Пусть же суетный пир твой не прельщает
взгляд!

Сдержанность — вот наш щит, верный
признак ума,
Трудности побеждать учит нас жизнь сама.
Стоит ли быть рабом праздных, пустых забав?
Пусть же воля твоя будет всегда пряма!

Как ни велик соблазн — не доверяй ему,
Встретишь ты на пути страшных несчастий
Будешь скитаться ты, хлеба просить кусок,
Вот беспечность твоя может вести к чему!

Нас до седых волос уродует щегольство.
Ставь же ему предел, не поощряй его.
Может и вором стать, нищим в лохмотьях
Кто не хочет трудом добыть себе ничего.

Разуму не научил нас с юных лет отец,
Опыта у родни не приобрел молодец.
Вот, глядишь, и ушла молодость в пустоту, —
Рад бы и умным стать, да уж всему конец.

Нет уж юношей тех, кто бы мне здесь внимал,
А от тщетных надежд я уж давно устал.
Чтобы никто не мог старцев, нас, упрекнуть,
Эти простые слова я для других писал.

1886

Перевод Вс. Рождественского

Бестолково учась, я жизнь прозевал.
Спohватился, да поздно. Вот он, привал!
Полузнайка, я мнил себя мудрецом
И заносчиво ждал наград и похвал.

Я отсталых мечтал за собою вести,
А они меня сами сбили с пути.
Я — один, а наглых невежд не сочтешь,
И нелепые шутки нынче в чести.

Прямодушному злобно кричим: «Урус!»
Знать, милее нам лицемерный трус.
Задушив человечность в наших сердцах,
Рвем своим недоверием дружбы союз.

Недоверье, как вихрь, ворвалось в наш дом,
Даже лучшему другу верим с трудом.
Нет прощенья ошибкам его! Залегла
В глуби сердца обида холодным льдом.

Нет для подлинной дружбы нигде межи,
Плещут волны любви через все рубежи.
То, что мы любовью и дружбой зовем, —
Лишь силок для сердец, что соткан из лжи.

Ни друзей у меня, ни любимой нет.
Я устало пою на исходе лет.
О, каким необъятным казался мир
Той порой, как встречал я в жизни рассвет!

Дружба — дар миродержца, вечная связь.
Речи друга с души твоей смывают грязь.
Я взлелеял дружбу, но злобный глупец
Растоптал ее, надо мной глумясь.

Я ищу эту дружбу — нет никого.
Кровью сердца зову — повсюду мертво.
Я приятелей тьму обрел без труда,
Но любимого друга — ни одного!

1886

Перевод А. Штейнберга

КОЖЕКБАЮ

Коль у тебя в чужом роду
Имеется старинный друг,
С которым ты всегда делил
Все тайны, мысли и досуг,—
Не удивляйся, если он,
Когда ты попадешь в беду,
Забудет все бывшее вдруг
И сокровенное твое
Предаст во власть враждебных рук.

Врага он встретит твоего —
Превознесет во всем его,
Твердя, что он непобедим,
Что ты ничто в сравненьи с ним.
И враг вскипит, сильнее ярься.

А после, встретивши тебя,
Друг, о любви своей трубя,
Твердит, что с ним он держит связь,
Радея о твоих делах,
Свидетель этому аллах!
Что с ним он близок для того,
Чтоб тайну выведать его
И обмануть в конце концов...
Клянется прахом мертвецов,
Клянется, бога не стыдись,
Затапывая правду в грязь!

Он посетит тебя не раз
Под видом верного дружка.
Твердит о дружбе всякий час,
А сам вредит исподтишка.
Твоих родных разединит
Его враждебная рука
И вовсе оттолкнет иных.

Немало есть таких родных:
Когда за ворот схватит враг,
Как псы, вгрызаются в бока!

В злословьи, в праздности они
Свои проводят дома дни
Иль, став поодаль, за углом,
Друг с другом шепчутся тайком.
Такому — всем ты нехорош!
Упрется, коль его ведешь,
Иль, сделав рядом два шага,
Ославит хуже, чем врага,
Осыпав градом злых угроз.
Живя лишь тем, что каждый даст,
Мгновенно сродника предаст,
Держа всегда по ветру нос.
Обидчивее, чем дитя,
И неприязненный к родным,
Не знает сам, какую цель
Преследует враждою к ним.
Ничем не жертвуя досель,
Он полон лишь собой самим,
Не ведая, в какую щель
Сумеет спрятаться, когда
Охватит дом огонь и дым.
Придет беда, как в тот же миг
Он первым подымает крик:
«Долой! Долой его с коня!»
Случится: заворчит родня,
Размолвкой пахнет, ссоры ждут —
И он уж с видом жертвы тут.
Кричит, ругаясь и грубя.
Его не надобно учить,
Как побольней кольнуть тебя!
Но если дело примет вдруг
Благоприятный оборот —

Уже тебе он первый друг,
Уже в улыбке шерит рот
И недругов твоих корит.
«Всех уничтожу», — говорит.
При бурном ветре он плывет,
Куда несет его волна.
Но как он боек, как он смел,
Когда настала тишина!
Вот каковы они, увь,
Батыры в наши времена!
Прими его совет — уж он
Не отстает, он — верховод.
Отвергни раз — он не простит,
Весь в злобе желчью изойдет.
Родных имеют все, но кто
С тобой, коль грянула война?
За пазухой — во время бурь,
На шее — коль чиста лазурь, —
Такое правило у них,
У многих из твоих родных, —
Вся их натура такова!
Красноречивы по домам,
Гремят, подобные громам,
А наступил серьезный миг —
От страха замерли слова!

Дурные шутки, грубый вкус.
В борьбе с соперником — он трус,
Но уступи в пылу борьбы —
Сейчас же встанет на дыбы
И будет хвастать без конца,
Изображая храбреца.
С достойных не берет пример —
Невежлив, неуклюж и сер,
Надменный вид, тщеславный нрав...

Над слабым силу показав,
Он тешится победой всласть:
«Вот как моя могуча власть!»
А если не осилит сам
И в злой беде поможет друг —
Он груб, заносчив и упрям,
Ничьих не признает заслуг.

Бездельник — чтобы уважать,
Бессильный — чтоб пред ним дрожать,
Во всем он — только волю дай! —
Всегда хватает через край.
На грубость, на обиды скор,
Сейчас же лезет в драку, в спор,
С ним невозможен разговор,
Не слушает, городит вздор, —
Зачинщик всяких склок и ссор.
Как родич этакий тебе
Опорой может стать в борьбе!

Оставить сплетни и раздор
Ни у кого и в мыслях нет.
Неужто в самом деле все
Пойдут за этим псом вослед?
Лишь был бы ужин да обед,
Сыт, пьян — и нет других забот...
Что им страдающий народ?
Хоть бы один за весь мой век
Нашелся верный человек!
Нет справедливости ни в ком,
Все обсуждается тайком,
И разрешаются дела
Во тьме, келейно, шепотком.
Что ж удивительного в том,
Что недовольны все потом:
Договорились об одном,

А дело подошло к концу —
Не получить сполна истцу!
Нет думающих про народ!
Томится всяк, напрасно ждет.
И получает по суду
Решенье нужное лишь тот,
Кто, с биями живя в ладу,
Подсунет им тихонько мзду.

Чиновник открывает съезд,
И ради этого окрест
Народ обобран волостным.
И греют руки вместе с ним
И старшина, и жадный бай.
Но как народ ни приглашай,
Как ни зови из разных мест,
А без чиновника на съезд
Ты не затащишь никого:
Какая польза от него?!
Ведь кучка нынешних властей,
Что правят, разделив людей,
Твердила всем не раз, не два
Пустопорожние слова,
Что дело завтра разберут!
Сойдутся защищать права,
Вершить дела и править суд, —
Но кто за правду встанет тут —
Неловко стало даже им
Смотреть просителю в глаза.
Перед начальством русским бий
Юлит и гнется, как лоза,
В то время, как над ним самим
Уж собирается гроза.

Средь худших — племя Тобыкты,
Гнездо интриг и клеветы!

Там зависть черная царит,
У многих алчно взор горит
В бездельи полном жизнь в
Они бросаются толпой
На уцелевшего еще
Оставшегося «богача».
Наследье предков расточив,
Попались сами же в хитро
Расставленную ими сеть,
Плетенную и день и ночь,
Достойные, творя добро,
Не вызволили из беды,
Не уменьшили их ряды,
Напрасно силы исчерпав,
Чтоб их исправить, им помочь!
Среди людей чужих племен
Наш род презреньем заклемен.
Чужие избегают нас,
Нечестность видя каждый час.
Торговцы все от нас бегут:
Им здесь долгов не отдают.
Лишь бродит пришлый праздный люд,
К богатым не пристроясь, тут.
Властям в народе веры нет,
Раз не избавили от бед
И не спасли от барымты.
Напрасны клятвы волостных,
Что все на лад пойдет у них, —
Их клятвы, как сердца, пусты!
И только в памяти живет
Воспоминанье дней былых —
О том, как дружен был народ...
Но ни одной души вокруг,
Кто б за него болел, как друг!

1887

Перевод П. Карабана

* * *

Где стойкий друг народа?
Исчезла верность слову.
Кто честен — нет им хода,
Коварство, сплетни, ковы...

Заслугам нет признанья.
Споткнулся — нет прощенья.
Держись на расстояньи,
Не знай ни с кем общенья.

Над всем царит нажива,
Тщеславы нет предела.
Все в болтовне хвастливой
Себе находят дело.

Наглеет враг лукавый,
Изменой друг изводит,
В догадках — кто же правый?
Народ всю жизнь проводит.

Но честных и отважных
Узнает всякий сразу.
Лишь не узнать продажных
Пройдоху и пролазу.

1889

Перевод П. Карабана

* * *

Коль свет горит в твоей душе,
К ней обращаю я призыв.
Коль тьма царит в твоей душе,
Мне все равно, ты мертв иль жив
Коль на глазах твоих бельмо,
Умрешь, добра не различив...
Как без имама ни молись —
Дойдет ли к небу твой порыв?
Вовек дороги не найдешь,
Судьбу мудрейшим не вручив.

Подобен озеру народ,
Который дружен и счастлив:
Листва колышется вокруг,
И ветра радостен мотив,
Сбегают весело ручьи,
И серебрятся ветви ив;
Там бродят тучные стада,
О зимнем голоде забыв.

Народ, живущий во вражде,
Как заболоченный залив:
Оттуда птица улетит,
И жажды там не утолив;
Скот, не пройдя за перевал,
Падет, воды его испив,
Его покинет человек,
На берег гниlostный ступив.

На единицы и нули
Народ чванливо разделив,
«Ничто нули без единиц!» —
Иной «мудрец» кричит, спесив;

Он говорит: «Без единиц
Народа путь и лжив, и крив».
Но это — вздор. Народ един,
Он чужд вражде, он прозорлив.
Так будь отважен, жизнь свою
Борьбе за правду посвятив!

1889

Перевод С. Ботвинника

Где ж ты, пламя юности моей?
 Не взволнуешь сердца почему?
 Я постиг премудрость жизни се
 Красоты ж не разгадать уму.

Зная цену хитроумью, лжи,
 Не старайся слишком добрым быть.
 Сердце силою вооружи,
 Без усилий счастья не добыть.

Радостей любви не испытал,
 Как поймете их значенье вы?
 Если горе слишком тяжко — прав
 Тот, кто не жалеет головы.

Друг тогда поистине хорош,
 Если он с тобой в беде, в борьбе.
 Если сам свой скот ты не пасешь,
 Кто ж его пригонит вдруг к тебе?

Сам хозяин ты судьбы своей,
 Труд — отрада, лень — жестокий бич.
 Мало толку в пышности речей,
 Если смысла знания не постичь.

Надобно запомнить это всем:
 Кто живет без цели, без забот —
 Под конец останется ни с чем,
 В рот само ничто не упадет.

1889

Перевод В. Звягинцевой

В те дни у тебя юных лет огонь
 В душе пламенел, был отважен взгляд
 Желаний твоих быстроногий конь
 Скакал, не боясь никаких преград.

Надежд — без конца, коротка печаль,
 Тебя не давил страданий гнет;
 Ты верил тогда: голубая даль
 К заветной мечте нас всегда ведет.

Не силою грубой и не мольбой —
 Умом, лишь умом ты искал путей,
 Не тешил себя ненужной хвальбой,
 Улыбкой всегда веселил людей.

Ты сдерживать силу свою привык,
 Удар отразить отважно умел,
 Трепать не любил по-бабьи язык,
 А в битве всегда был душою смел.

Но юные дни пролетят, как дым,
 Навеки огонь прошлых лет замрет.
 Входи ж и теперь стариком седым,
 С душой молодой в древний мир забот.

Не каждому верь. Отходи от зла, —
 Враг в сверетнике часто бывает скрыт:
 Улыбка его на лице светла,
 А в сердце давно скорпион сидит.

С друзьями навек связь дружбы упрочь,
 А мести к врагам в душе не таи:
 Раскаянье — спешки родная дочь,
 Терпенья часы — вот друзья твои.

Дверь сердца тому широко раскрой,
Кто с честью сквозь жизнь может имя нести.
Гони от себя подхалимов рой:
В хвале их живет и лукавит лесть.

Изменчивый, лживый и злобный свет
Эдемом зовет молодой жигит, —
Он жаждет услышать от всех привет,
Не видя нигде западни обид.

На празднестве жизни пирует всласть,
Не тратя на выбор дум и хлопот.
Жигита ведет единая страсть:
Он хочет, чтоб славил его народ.

Наивна душа его и слепа,
И верит обману лукавых слов,
Но разве не ложь изрыгнет толпа
В ответ на его простодушный зов?

Солги старику, бессовестный лгун, —
Сдержу я укор. Но не тронь камыш:
Гляди, как он свеж, как он зелен, юн, —
Огнем лживых слов ты его спалишь.

К тебе ль не идет молодежь толпой,
Лицом на лжеца разве ты похож?
Упрек услышав: «Ах ты вот какой!» —
Что скажешь ты ей, покраснев за ложь?

1891

Перевод М. Касаткина

* * *

С невеждами не знался, не братался,
Глупцами их назвал и заклеил.
Перекроить весь мир намеревался —
Свои я силы переоценил.

Не находил я друга в трудном деле, —
В борьбе с глупцами горько было мне:
Мои призывы в пустоту летели,
А сверстники стояли в стороне.

Невыносима равнодушья сила,
И отчужденья тягостен мне взгляд.
Потянешься к друзьям — не тут-то было:
Артачатся и пятятся назад.

Один поддакнет и промчится мимо,
Другой махнет беспечною рукой.
А сил все меньше. Все неутомимей,
Все крепче старость тянет на покой.

Как кляча, я устал в дороге долгой,
Я гость своих детей, своей жены.
И вижу я, никем не сбитый с толку:
Все тот же он, народ моей страны.

Не болен я — печален я, однако
Задуматься над этим стоит, брат.
Куда ни погляжу я — козни, драка
За почести, и сплетни, и разврат.
Погоня за чинами, барымта.
Везде борьба за славу, за места.
Толпа плутов, хлыщей и казнокрадов

Проводит в буйном пьянстве ночи, дни.
А истинная дружба, — «Что за радость?

Какая скука!» — говорят они.
А между тем обман и воровство —
Достоинство иль более того.

О, знал бы ты, как мне противно это.
И я устал, и ты устанешь, брат.
Весь век свой старец призывает к свету, —
Никто не внемлет, — он не виноват.

1891

Перевод Л. Озерова

* * *

Мне боль ученье несет,
Тоску прозрение несет,
Слова печалью полны
От горьких слез и забот.
За днями тянутся дни, —
Откуда радость придет?
Не сможет конь обскákat
Бескрайних моих невзгод!

Униженных стариков,
Скажите, где только нет?
Коль ты и зорек и трезв —
Увидишь ли в жизни свет?

Что деньги, коль нет ума?
Что гордость, коль в сердце тьма?
Твой сын с пеленок хитрит,
Душа его — ложь сама.
Все почести от врагов —
Напрасная кутерьма.
Тому, кто сыт и богат,
Дорога к счастью пряма.
А нищим — один почет:
Их голод ждет да сума.

Ты любишь сидеть в гостях,
Ведь знаешь: у нас в степях
К веселым, добрым друзьям
Привязан сердцем казах!

Певец голосить начнет —
Обступит его народ,
Ругает, может, в сердцах,
Но рот ему не заткнет...

А если в его словах
Начнут сомневаться вдруг,
Насмешек боясь, казах
Покинет дружеский круг.

Чем болен наш край родной,
Рассказ вам откроет мой:
Одни задрали носы,
Всегда довольны собой;
Другие, «блюдя закон»,
Шумят за нашей спиной;
А третьи всем хороши,
Да только ханжи душой;
Четвертых в Мекку влечет,
К далекой земле святой.
А здесь когда выполнять
Им долг мусульманский свой?

Несчастный, нищий старик
Бежать от людей привык.
Бывает: в большой семье
Какой-нибудь спор возник,
Барана режут тогда,
Садятся мал и велик,
Тут все советы дают,
Лишь он головой поник...
Остатки барана ешь —
Иль с голоду мри, старик!
Ведь если честно сказать,
Где нет таких стариков,
Беспомощных бедняков?
Удел их всегда суров...

1892

Перевод С. Ботвинника

* * *

Вот и осень моя подошла, —
Разве осень страшится преград?
Сердце майского хочет тепла,
Только май не воротишь назад.

А у многих в душе вечный снег, —
Расцветет ли подснежник в снегу?
Лишь несущий огонь человек
Не собьется с дороги в пургу.

Никогда не пуститься в полет,
Устремляясь в простор голубой,
Тем, кто черной корыстью живет
И не знает заботы другой.

Их движенья полны суетой,
Хитрых мыслей полна их душа:
Заявиться к соседу на той,
Пировать, не истратив гроша.

Почему бы привольно не жить
Тем, кто век воровал, плутовал,
Ждал минуты — свалить, задушить,
Кто и хитрость свою продавал?

«Трусы» — лучше им клички не дашь.
Чем их подлый завет не хорош:
«Если совесть свою не продашь,
Так и счастье свое не найдешь»?

1894

Перевод Г. Пагирева

* * *

Будь разборчив в пути своем;
Если ты талантлив — гордись
И надежным лишь кирпичом
В стену строящуюся ложись.

Убегающий видит путь,
Догоняющий вслед спешит.
Воля с разумом их ведут.
Справедливость — вот свет души.

Если воля есть, ум живет.
Доброты же и правды нет. —
Впереди огонь, сзади лед
И никак не уйти от бед

Удержи корысти порыв,
Похвалы не ищи, смотри —
Недостатки искусно скрыв,
Лишь в борьбе победу бери!

Волю дав хвастовства словам,
Не мечтай других превзойти;
Возбуждая зависть, и сам
Оступиться можешь в пути.

Тверже ногу, шагай смелей, —
И тогда не погибнет труд:
Речи тех, кто учит детей,
Как зерно в земле, прорастут.

1894

Перевод Вс. Рождестве.

* * *

Жизнью с жизнью, ушибаясь там и здесь,
Как принять ее такой, какая есть?
Только вряд ли есть уверенное средство
Обуздать самонадеянную спесь.

1896

Перевод Е. Курдакова

* * *

Стяжателю одно лишь тешит душу — скот,
И не стыдится он обманывать народ.
Позорный раб своей наживы, он трясется,
Когда к его столу бездомный подойдет.

Зачем свои стада он множит без конца?
Чтоб зависть низкую вселить во все сердца.
Сам грязная свинья, других считает псами,
За кость готовыми служить у подлеца.

Ум, честность в наши дни не слишком
ценный клад,
Владельцам их они богатства не сулят.
Крупинки золота ищи в навозной куче,
Весь изваляйся в ней, коль хочешь быть богат.

Прочти мои слова, обдумай их в тиши!
Награда нам за труд милей, чем барыши.
Корысть позорит нас, нельзя прожить достойно
Без светлого ума, без пламенной души.

1896

Перевод О. Румера

* * *

Одинокое, не ищи,
Сердце, отклика на пути!
Мысль моя, не странствуй, молчи,
Коль пристанища не найти.

Чувство высказанное — ложь,
Безответен души призыв.
Так куда же ты, сердце, влечешь,
От всего меня отлучив?

Счастье, дружба, любовь, покой, —
Оценила вас жизнь в гроши;
Ими платят беде людской
Лицемерные торгоши.

Суд народа для них — безмен,
Чтобы взвесить хулу и лесть, —
Мастера в ремесле измен,
Позабывшие стыд и честь!

С кем тоску свою разделить,
Если дружба не ко двору?
Чьим сочувствием утолить
Одиночество и хандру?

Всюду подлость одна и та ж:
Пожалеешь кого, а тог
Деньги станет кланчить; не дашь —
На тебя же сердясь, уйдет.

Но войти продажным словам
В сердце искреннее — невмочь.
Льстивый плут ни себе, ни вам,
Никому не в силах помочь.

Ты бесплодным горишь огнем,
Горевая душа моя!
Это пламя — что толку в нем!..
Где любовь твоя, где друзья?

1900

Перевод А. Штейнберга

* * *

Веселья легкая вода,
Пустая молодость — беда.
Ты лучше разумом попробуй
Познать, где дружба, где вражда.

Что славным у людей слывет,
Тебя не слишком пусть влечет.
Не торопись, мой друг, работа —
Она предмет твоих забот.

Души богатства береги,
Всего, что дешево, — беги,
А скромность — истинный хозяин,
Он душу не введет в долги.

Не будь во всем доверчив сплошь,
От зоркости ты не умрешь,
Не то и стариком согбенным,
Где враг, где друг, — не разберешь.

Хапуга на объятых скор,
Всегда он там, где шум и спор.
Мой друг, ты разве сам не видишь,
Что под конец он нищ, как вор.

1901

Перевод Л. Озерова

* * *

Ангел молнии, Рагит,
Как стрела, к земле летит.
Опрокинутый на землю.
Дождь ее животворит.
Сила молний — наповал.
Силу слов ты, друг, познал,
Если их, как молний силу,
На себе ты испытал.
Мимо этих слов пройдет
Взяточник и обормот.
Нищенка-душа не примет
Огненных таких щедрот.
Примет молнии-слова,
Кто устал от плутовства.

Не пора ль к рукам прибрать
Болтунов всеильных рать?
Что за страсть у всех такая —
Только знают врать и рвать.

1903

Перевод Л. Озерова

* * *

Прыткий неуч, как ни тшится стать умней,
Вряд ли сможет избежать судьбы своей.
Так наивный первоцвет, мгновенно вспыхнув,
Тут же гаснет, не дожив до летних дней.

1903

Перевод Е. Курдакова

* * *

Ретивый конь гордится гривой.
Богатством — человек спесивый.
И в благодарности отец —
Своим наследником счастливый.

Иной ребенок словно мед,
... А недотрогу Рахимшала
К душе отца душою льнет.
Пусть сам Всевышний заберет.

* * *

Перевод М. Дудина

Не спеши себя хвалить,
Не успев ума нажить, —
В вечном том самообмане
Пребывать — не значит быть.

Полузнание — не вина,
Но несчастье хвастуна, —
И возмездье не замедлит
Грянуть разом и сполна.

1903

Перевод Е. Курдакова

1.

ОХОТА С БЕРКУТОМ

Охотник и конь, и напарник и беркут,
И снега нетронутого полоса,
И где-то в кустах, незаметная сверху
И снизу, встревоженная лиса.

Охотник — вверху, а выжлятник —
в долине
И видит в укрытьи звериный зрачок,
Как ловкий охотник на белой вершине
С глаз беркута стаскивает колпачок,

И беркут, прозрев, поднимается круто,
Крылом опираясь о небеса,
И смотрит глазами кровавыми люто,
И грозного беркута видит лиса.

Ей не убежать и от битвы не скрыться,
Погибель над ней нависает, как пласт,
И кровь ее в жилах кипит и ярится,
И жизнь свою просто она не отдаст.

Враги своей злобы и силы не прячут,
Победы, по-своему каждый, хотят.
И к месту сраженья охотники скачут.
Их кони, пластаясь по снегу, храпят.

Кровавая битва не долго продлится.
Кому же победа отдаст ореол?

И — сорок ножей обнажает лисица.
И — восемь штыков выпускает орел.

Снег — вихрем! И оба противника правы.
Позорная трусость неведома им.
Здесь ради людской прихотливой забавы
Зверь неба сцепился со зверем земным.

А что там такое глаза приморозило
На месте лисицы и вместо орла?
Там дева нагая выходит из озера.
Вот вышла — и косы в локтях развела.

Как будто им нет подходящего места
На ослепительно белом пиру,
Где черный жених с ярко-рыжей невестой
Затеяли смертную эту игру.

Как будто им узко на брачной постели,
Как будто им белая прорва мала.
И черный орел добивается цели,
И громко ликует хозяин орла.

Нет, эта охота по-своему значима.
У этой охоты цена высока.
Нет, не лисица в охоте захвачена —
А перехвачены три косяка.

Все силы, все хитрости лисьи побоку,
И дух молодит на охоте успех.
И, крепко привязан к седлу на тороку,
Переливается золотом мех.

Охота в горах на виду, не для виду, —
Она украшает джигита судьбу.

Лисицу берешь, словно ягоду-джиу,
С отменным куском табака за губу.

И сердце твое удержаться не может.
В нем кровь вдохновенья победы поет.
И мысли дурные тебя не тревожат.
И радость твой дух поднимает в полет.

Молчи, верхогляд! Что ни говори там —
Я помню свое назначение и долг.
И эти слова посвящаю джигитам,
В охоте с орлом понимающим толк.

1882

Перевод М. Дудина

* * *

Всадник с беркутом скачет в ранних снегах.
Будет зорок — добудет лису в горах.
Вот находка в пути: удобный наряд.
Конь хороший, да спутник, забывший страх,
Да лисы осторожной обратный след,
Обнаруженный чудом в горных кустах.

У подножья горы — охотников сбор.
Всадник с беркутом скачет во весь опор.
Он сорвет клобучок у беркута с глаз —
Беркут крылья расправит, глядя в упор.
«Слишком низко мы скачем: уйдет лиса!» —
Так подумав, он взмоет к вершинам гор.

«Не спасет меня бегство», — лиса поймет,
И замрет она вдруг и раскроет рот,
Заскрежест зубами и глянет вверх:
И она хочет жить, у нее — свой расчет!
Будет зрелище! Ловчий, нетерпелив,
Презирая опасность, летит вперед.

Помнит беркут: лиса — из мощных врагов,
Сразу в дело пускает сорок клинков.
Но не вздумает медлить беркут-батыр:
Обнажит восемь лезвий, восемь штыков.
Зашумит он крылами и полетит,
Устремится на землю из облаков.

Вот сошлись, вот сцепились в блеске зари,
Словно единоборцы-богатыри.
Та — царица земли, тот — небесный царь.
Захотел человек — и эти цари
Бьются насмерть... А снег ослепительно бел,
Черен беркут, лисица красна... Смотри!

Эта битва с купаньем девы сходна,
В час, когда на локтях поднимает она
Две косы смоляные, входя в ручей,
Молодая, нагая, легка, нежна,
С белоснежным телом, румяна лицом.

Эта битва тебе напомнить должна
Жениха и невесты первую ночь.
На постели им тесно... Лисе невмочь:
Беркут смял и свернул ее под собой.
Ловчий, быстро добычу ты приторочь!
И, гордясь победой над хитрой лисой,
Победители стать на отдых не прочь.

Сражут старшие, похвалив смельчака:
«Захвати в добычу три косяка!»
Ты доволен и рад. Стряхнув малахай,
Ты кладешь за губу шепот табака.
Словно ягод в горах — пусть будет лисиц,
Чтоб охотника доля стала сладка.

Никакого не делаешь ты вреда,
Если ты приезжаешь на ловлю сюда.
В бренном мире нет мне занятья милей,
Я готов про охоту слушать всегда.
У кого пронизательный, ясный ум,
Тот, наверно, меня поймет без труда.

Не видна близоруким в степи трава,
Не понять верхогляду мои слова.
Но возникнет картина в душе твоей,
Если в каждое слово вникнешь сперва.
Только истинный ловчий меня поймет,
Тот, в чьем сердце прелесть охоты жива.

1882

Перевод С. Липкина

2.

* * *

Казахи, бедный мой народ,
Небритый ус обвис тебе на рот.
Кровь на одной твоей щеке. Другая
Твоя щека в бараньем сале. Вот
Таким ты ликом к миру обращен,
В добре и зле душой непросвещен.
Словам разумным не внимаешь ты,
А неразумный спор ведешь до хрипоты.
Свой скот своим не можешь называть,
Смех позабыв, ты разучился спать.
Несдержан ты, завистлив чересчур,
Сегодня — вызывающ, завтра хмур.
Отдавший баю долю правоты,
Зачем же бая лихо корчишь ты?
Кто душу изуродовал твою
И жизнь твою поставил на краю?
Зачем вступаешь с родичами в спор
И обрекаешь близких на позор?
Единства нет и искренности нет.
И табунов твоих потерян след.
И разум твой с достатком не в ладу,
Ведет твой счет у мира на виду.
В раздоре этом на твоём пути
Теперь тебе покоя не найти.
Твое богатство ненадежно, друг,
Его ты можешь выпустить из рук.
Его поглотит время и пески.
Ты будешь зубы скалить от тоски.
И в приступе злорадства надо мной
Хихикать будешь за моей спиной.

Перевод М. Дудина

1886

* * *

О казахи мои! Мой бедный народ!
Жестким усом небритым прикрыл ты рот.
Кровь — на правой щеке, на левой — жир...
Где же правда? Твой разум не разберет.

Ты и с виду неплох, и числом велик,
Почему же, скажи, так обманчив твой лик?
Ты не хочешь добрым советам внимать,
Режет всех без разбора твой серп-язык.

Власть не можешь явить над своим добром,
Спишь тревожным сном и тревожишься днем,
То заносчив, а то с обидой глядишь,
Постоянен в непостоянстве одном.

Всякий подлый, чванливый и мелкий сброд
Изуродовал душу твою, народ,
Не надеюсь на исправленье твое,
Коль судьбу свою в руки народ не берет.

Родич с родичем спорит из-за пустяков.
Богом огнят их разум, удел их таков!
Ни единства, ни чести, везде разлад.
Стало меньше в степях табунов, косяков.

Из-за денег и власти кипит вражда.
Ты бессилен, а спор ведут господа.
Если накопи этой не смоешь с себя,
В унижении, в страхе ты будешь всегда.

Разве можешь ты быть спокоен душой,
Если горки не в силах взять небольшой?

Если стойкости нет, если твердости нет,
Разве можешь ты быть доволен собой?
Если кто-либо верный укажет путь,
Ты его клеймишь неразумной хулой.

1886

Перевод С. Липкина

На разных дорогах враги и родня
 Обманом своим предавали меня.
 Я много их в жизни своей перевидал,
 Оставив за гранью вчерашнего дня.
 Там каждый себе самому господин
 Из боя трусливо назад уходил,
 Увидев, как мой подзатыльник от шлема
 Съезжает, а я — оставался один.
 Сейчас на уме у людей грабежи,
 И души людские погрязли во лжи,
 А радость блаженства души человека
 Покинула этой земли рубежи.
 И проку в скотине не видит богач,
 Удача, как конь, удаляется вскачь.
 И вор табуны по ночам угоняет.
 Где смех раздавался — там слышится плач.
 В миру торгашу не дают торговать.
 Долги за товар не хотят отдавать.
 И с этим бессовестным людом сегодня
 Успокоенья ему не видать.
 Молчит в одиночестве тот, кто умен.
 Глупцам на потеху народ развращен.
 Почетных старейшин не чтут горлодеры.
 Забыты обычаи старых времен.
 И власти лишился имеющий власть,
 Не в силах обузывать эту напасть.
 Мошенники мутят народ и смутьяны,
 Гуляет раздора поганая страсть.
 И родича родич, родством родовит,
 В сырую могилу спихнуть норовит,
 А сватья, и братья, и жены, и дети
 Притворны в покорности старшим на вид.
 Беду эту, горе сулящую впредь,

Моим разумением не одолеть.
 Народ распустился и кроме арака
 Ни чести, ни выгод не хочет иметь.
 Весною соседями начатый спор
 К осенней поре переходит в раздор,
 И вновь возвращается на зимовье
 Разумным согласиям наперекор.
 Для младших — старейших указ не гроза.
 Расчетлива всех попрошаек слеза.
 И каждое слово — хитро и лукаво.
 И все осуждается за глаза.

1886

Перевод М. Дудина

* * *

Измучен, обманут я всеми вокруг.
 Меня предавали и недруг и друг.
 Средь близких и дальних почти не найти,
 Кто б не был причиною горестных мук.

Один — из-за выгод приятель тебе.
 Споткнешься — покинет в неравной судьбе.
 Не скажет тогда: «Я такой же, как он», —
 И рядом не встанет в неравной борьбе.

Тот — низкий стяжатель, тот — взяточник, вор.
 Для них твои цели и помыслы — вздор.
 Пустые лукавцы, рабы суеты.
 На ком остановишь с надеждою взор?

Терепещут за скот, за добро богачи,
 В тревоге, насупясь, сидят, как сычи.

Там стадо угнали, ограбили тут, —
Ведь грабят кругом и воруют в ночи.

Торговлей не могут заняться купцы —
Бедняги не сводят с концами концы:
Поверишь на слово — не взыщешь потом,
Долгов не хотят признавать подлецы.

Судья презирает свой сан и закон.
К злодеям, к ворам снисходителен он, —
И множится зло, расцветая вокруг,
И нет преступленьям преград и препон.

Завидуют злобно свои своему.
Не внемлет, не верит никто никому.
И дети, и брат, и жена, и твой друг
Тебе изменяют в твоём же дому.

На честного тысячи плутов кругом, —
Как тут в одиночку бороться со злом?
Распутство и пьянство повсюду царят,
О дружбе, о пользе нет мысли ни в ком.

Где солнце смеялось земле и цветам, —
Осенняя слякоть и сумерки там.
Скандалы и распри мертвят, как зима.
Раздолье — мерзавцам, разор — беднякам.

К заслугам, к летам — уважения нет.
Стяжатели вылезли гордо на свет.
За деньги все рады позорить и чтить,
Мгновенно в любой перекрасившись цвет.

1886

Перевод П. Карабана

4.

* * *

Гляжу: все едут на базар,
И каждый ищет твой товар.
Кому зерно — кому кораллы,
По разным надобностям в дар.
И каждый, вопреки обману,
Находит то, что по карману.
А слово — божий дар для всех —
Найдет признание и успех,
Само собой распространится,
От сердца к сердцу протечет
На радость всем и мне в почет.
И будущему пригодится.
Оно для всех, всем людям в дар,
О жизни наделенным думой.
«Зачем кораллы псу?» — подумай,
Когда поедешь на базар.

1886

Перевод М. Дудина

* * *

Каждый за товаром едет на базар.
Там торгует медник, пекарь и гончар.
Вам по вкусу жемчуг, а другому — хлеб.
По душе найдется каждому товар.

Стар и млад стремится утолить свой жар,
Каждого по средствам наделит базар.
Но не всем доступен жемчуг слов моих,
Труден смысл иному, будь он мудр и стар.

Многим не по сердцу мой словесный дар,
Но неужто жемчуг обратится в пар?
Пусть не всем по нраву то, что говорю,
Все ж охватит слово души, как пожар.

Вникни в смысл, читатель, будь ты млад иль
стар.

И прими как должно мой смиренный дар.
«Жемчуг псу не нужен», — мудрость говорит,
Поговорку эту знает и школяр.

1886

Перевод Л. Шифферса

* * *

О, помоги к стопам твоим
Найти, создатель, путь прямой.
Когда за горло схватит враг —
Дрожу от ярости немой.
Аргынцам и найманцам, тем
Мои слова — родник живой,
А для сородичей моих
Их вещий смысл — лишь звук пустой.
Им слиток золота даю,
Но так уж повелось, что им
Он медью кажется простой.
Дай им из Самарканда бязь,
И, ею тотчас же прельстясь,
Они расстанутся с парчой.
Конец их чванству положи.
Когда же, создатель, узел лжи
Разрубишь ты своей рукой?
О милосердия отец,
Когда безумцы наконец
Падут, повержены тобой?

1886

Перевод Е. Бугаевского

* * *

О, Боже мой, к тебе взываю я.
Где истина земного бытия?
Исконные враги берут меня за горло,
А помощи дузей не знаю я.
Аргын, Найман всегда внимают мне.
Для них всегда я — всадник на коне.

А тобыктыңы, старая родня,
Смеются надо мною в стороне.
Их вразумляя, правду говорю.
Им, не торгуясь, золото дарю.
Но золото не думая иметь,
Они ему предпочитают медь.
Парчу на бязь меняют сгоряча —
Для них плоха прекрасная парча.
Когда им снимут головы — тогда
Они поймут: какая в том беда.
Освободи их, Бог, от этих пут.
Они тебя услышат и поймут.
Они, как я, творения твои.
Верни их души к свету и любви.

1886

Перевод М. Дудина

6.

ОСЕНЬ

Тучи серые, хмурые, дождь недалек.
Осень. Голую землю туман заволок.
То ль от сытости, то ль чтоб согреться,
резвясь,
Стригунка догоняет в степи стригунок.

Ни травы, ни тюльпанов. И всюду затих
Звонкий гомон детей, смех парней молодых.
И деревья, как нищие старцы, стоят
Оголенные, листьев лишившись своих.

Кожу бычью, овечью в кадушках дубят.
Чинят шубы и стеганный старый халат.
Молодухи латают дырявые юрты,
А старухи неделями нитки сучат.

Косяком потянулись на юг журавли.
Караваны верблюдов под ними прошли,
И в аулах — уныние и тишина.
Смех, веселые игры остались вдали.

Дуют ветры, становится все холодней,
Стужа мучает и стариков и детей.
Псы голодные ловят мышей полевых,
Не найдя, как бывало, обедков, костей.

Ветер пыль поднимает — над степью черно.
Осень, сыро. Но так уже заведено, —
Плох обычай! — нельзя разжигать очага.
В наших юртах теперь неуютно, темно.

1888

Перевод А. Гатова

ОСЕНЬ

Холодных туч густеющая мгла
Отроги голых гор заволокла.
А табуны на выпасе играют
С мороза иль с нагульного тепла —

Не разберешь. Остистая трава
До будущей весны полужива.
Согбенные бредут на горизонте,
Как древние старухи, деревья.

В ауле тихо. Кто-то дубит кожу,
А кто-то чинит ветхую одежду,
Свекровки шерсть прядут, а молодухи
На жизнь латают старую надежу.

И журавли летят через туман.
Под ними вдаль кочует караван.
Куда ни глянь — унынье и молчанье.
Обет молчанья жизнью Богу дан.

Старухи в юрте греют малышей,
А те дрожат от пяток до ушей.
Не получив ни кости, ни похлебки,
Псы убегают в степь ловить мышей.

Мир старости и мир детей в слезах.
Жизнь мира замирает на глазах.
... Прекрасна юрта очагом горящим.
Не бойся в юрте копоти, казах!

1888

Перевод М. Дудина

ОСЕНЬ

Ползет ненастье. Зябко и уныло
Сырая зависает мгла с утра.
Играют кони в поле, ржут кобылы,
И годовалых взнуздывать пора.

В работе и заботах день недолог:
Выделывают шкуры, кожи мнут,
Плетут ремни, латают дряхлый полог,
Просушивают скарб и шерсть прядут.

Ни радостного возгласа, ни крика,
Ни яркого пятна среди жухлых трав.
По-нищенски печально и безлико
Деревья мерзнут, листья растеряв.

И только отлетающие стаи,
Спешащие к теплу иной страны,
Аулам остающимся бросают
Гортанный клик прощанья до весны.

Вздыхают старики, и зябнут дети...
И, коротая долгие часы,
Я по холмам брожу, где веет ветер,
Где бегают некормленные псы.

Откуда виден весь наш быт убогий
В осенней мгле темнеющего дня,
Потертый войлок юрт, тоска дороги,
И степи — без единого огня.

1888

Перевод Е. Курдакова

Не для забавы я слагаю стих,
 Не выдумками наполняю стих.
 Для чутких слухом, сердцем и душой,
 Для молодых я свой рождаю стих.
 Кто сердцем прозорлив и чуток, тот
 Поймет, что в каждый я влагаю стих.

Ко мне дорогой приходи прямой.
 Все то, что скрыто, стих раскроет мой,—
 Не сразу ты воспримешь, может быть,
 Слова такие слышишь ты впервой.
 Как странно мне, что люди, не поняв,
 Немедля речи требуют другой.

Али-азрету не слагаю гимн,
 Красавиц с подбородком золотым
 Я не пою; я к смерти не зову,
 Не говорю жигитам молодым,
 Чтоб совестью они пренебрегли,—
 Прошу: прислушайтесь к словам моим!

Родятся из барымтачей лгуны,
 Бездельники родятся, болтуны
 Без разума, без дома, без скота;
 Все знают их, и всем они видны.
 Навек замолкни лучше ты, мой стих,
 Когда тобою они восхищены.

Тебя молю, о песнопевец-брат,
 Пускай слова пустые не прельстят
 Твоей души. Что пользы в них тебе?
 Твой дар исчезнет, не вернешь назад.

Что в людях доброго, скажи, таких,
 Как бабник, и хвастун, и верхогляд?

1889

Перевод Д. Брэдского

* * *

Стихами для забавы — не грешу,
 За правду выдать сказку не спешу.
 Для чутких душ, влюбленных в чудо жизни,
 Для юных в назидание пишу.

Их души, словно истины проймают,
 А спесь и гордость это не поймет.

Иди ко мне с открытым сердцем, друг.
 Входи смелей в стихов просторный круг.
 Что из того, что с первого прочтенья
 Не все тебе понятным будет вдруг.
 Потом тебе откроется пример
 Моей души, оправленной в размер.

В моих стихах дев луноликих нет.
 Отсутствует и сам Али-Хазрет.
 Я старость чту и смерть не воспеваю.
 К бесстыдству не указываю след.
 Не брезгуйте открытием моим —
 В нем скрытый смысл на глубине храним.

От пустомель родится пустобай,
 С пустой душой глупец и негодай.
 Их очень много нынче расплодилось,
 Бездельников, что наш позорят край.

Потехою для олухов таких
 Не мучь себя и замолчи, мой стих.

Тебя, мой чуткий стихотворец-брат,
Я оградить от этой славы рад.
Не унижая своего искусства,
Нацеливай на будущее взгляд,
Гони лстецов и не потворствуй им,
Будь честью и достоинством храним.

1889

Перевод М. Дудина

8.

* * *

Нет жизни у меня в груди...
Я все твержу одно и то же:
«Не верь друзьям, измены жди...»
За что мне это все, о боже!
Есть люди: дома, как поток
Неугомонный, он грохочет.
Когда же речь сказать захочет,
Он вял — язык ему не впрок.

Когда пасется конь три дня,
Он распускает хвост и гриву.
Батыр, ты дома у огня
Всегда ли был такой ретивый?
Ты льстишь и малым, и большим,
Когда тебе порою туго.
А только вырвался из круга —
Заносчив и недостижим.

Умеешь, уплатив пятак,
С него взять сдачи пять целковых.
Из-под наездника чепрак
Ты стащишь, вороват и ловок.
Когда же тяжбу заведешь,
Идешь обходными путями.
Но, для другого вырыв яму,
Сам в эту яму попадешь.

Не хлопай сильно дверью той,
В какую (всяко может стать!)
Еще придется постучаться
В час неожиданно крутой.

1889

Перевод А. Гатова

* * *

Я сам здоров. Душа моя болит,
Когда друзья становятся врагами.
И думать справедливость не велит,
Какая кара следует за нами.
Иной батыр бушует, крут и лих,
В своем дому у бешенства во власти,
А на глазах людских он квел и тих,
И рабски молчалив, и безучастен.
Где ж твой характер, спесь твоя, хитрец,
Где ж твоя сила, что тебя взбесила,
И, предлагая вольности венец,
В тебе достоинства не воскресила?
Ты стелешься угодливой душой
Перед явлением высокой власти,
И в ощущение выгоды большой
Обманное испытываешь счастье.
Ты в хитрой, изворотливости смел,
От совести отделяваясь смело,
Шесть из пяти присваивать умел,
Проигранное завещая дело.
Ты в тяжких тяжбах был самым собой,
Угадывал в них сто развязок разом,
Но, каверзный выигрывая бой,
Домой с подбитым возвращался глазом.
Привычной осторожности не верь,
В твоих делах успех недолго длится.

Не хлопай дверью! Может, в эту дверь
Тебе еще придется возвратиться.

1889

Перевод М. Дудина

9.

* * *

Есть два пути — Любовь и Страсть.
Над страстью похоть держит власть.
Ты всех прекрасней в этом мире,
Мое спасенье и напасть.

Ты рядом — мой восторг велик,
Когда я вижу милый лик,
Он светит всем на белом свете
И превращает в вечность миг.

И ты меня забрала в плен,
И в мире нет тебе замен.
Душа моя горит и стынет.
Мой мир тобой благословен.

1889

Перевод М. Дудина

* * *

Два пути — любовь и похоть, две тщеты,
Впрочем, похоть — знак духовной нищеты.
Я ж — влюблен, и нет вокруг тебя достойней,
Будь что будет, — лишь бы здравствовала ты.

Ты души моей блаженство, ты мой свет,
Я тобой и осиян и обогрет.
Есть любимые — по выбору желанны,
Ты же всем всегда любезна, не секрет.

Жизнь безмерна и полна, когда влюблен,
В лихорадке, потеряв покой и сон,
То мертвеешь, холодея в безучастье,
То опять горишь, надеждой вознесен.

1889

Перевод Е. Курдакова

* * *

Две дороги — любовь и страсть предо мной.
Похоть властвует плотью моей земной.
Но тебя я люблю. Будь счастлива ты,
Хоть погибну я, сгину во мгле ночной!

Ты — мой разум! Ты волю мою взяла.
Без тебя в душе только мгла и зола.
Люди любят одних, не любят других,
Ты же — всех милей, и для всех ты мила!

Я — твой раб, любовь! Истерзав и дразня,
Ты меня леденишь, сжигая меня.
Улетит надежда — и стынет душа.
Прилетит — и в сердце потоки огня.

1889

Перевод А. Штейнберга

10.

* * *

Заплетенная круто коса за спиной
Вся в серебряном звоне о жизни иной.
И бобровая шапка над гибкою шеей,
А глаза — хоть умри — не пройдешь
стороной!

Ты потонешь навек в черном зеркале глаз,
Перепутав случайно призыв и отказ,
Будешь маяться памятью белой улыбки
И ее жемчугами зубов напоказ.

Гибок стан ее. Милые ножки малы,
Обрисовываются изгибом полы,
А сама она — яблочко сладостной жизни,
В поле жизни прекрасней любой похвалы.

Если пальцем коснешься ее локотка,
Радость жизни поднимет тебя в облака,
Кровь толчками войдет в истомленное
сердце,
Мука страсти смертельной с ней будет легка.

1889

Перевод М. Дудина

* * *

Вдоль спины заплетенные косы лежат,
И шолпы отвечают движениям в лад.
Взор под шапкой бобровой волнуется.
Нет, такой красоты не встречал еще взгляд!

Бархатистые черные звезды очей
Льют в смятенное сердце потоки лучей.
Что за голос! Улыбка! Как телом нежна!
Кто посмел бы сравниться средь девушек
с ней!

Высока, с легкой ножкой, пленительный стан...
Ты другой не ищи средь полуденных стран.
Все мне кажется, где-то я видел уже
Это зрелое яблоко, нежный шафран.

Если пальцы чуть тронут ее локоток,
В самом сердце почувствуешь крови толчок.
А лицо к ней наклонишь — горячая страсть
Разольется по жилам, как бурный поток.

1889

Перевод Вс. Рождественского

11.

* * *

Дух унижен мой,
Я убит разлукой злой,
Позабыт тобой,
Обойден своей судьбой.
Аллах мой, как я слаб!
Карай, покорен раб!

Сон мой и покой!
Пожелтел от горя я,
Чахну под бедой,
Сгорбилась спина моя.
Не знаю, как мне жить.
Чем сердце облегчить?

От любви тоска,
От тоски не сплю ночей:
Мне издалека,
Милая, не шлешь вестей.
Душа горит в огне,
И кости в тягость мне.

Если б к ней могла
Долететь моя мольба,
Стала б вновь светла
И легка моя судьба.
Воспрянет дух опять,
И счастья буду ждать.

1889

Перевод А. Глобы

* * *

Душа моя унижена
Отсутствием твоим.
Твоя душа приближена
Велениям иным.

Переживи веление
Судьбы — мое терпение.

Душа скорбит и мается
Изменою твоей,
И немотой терзается
Язык мой, верный ей.

Как боль унять — не ведаю,

Но за тобою следую,

Тоскую до усталости

Я без тебя весьма,

А от тебя ни жалости,

Ни слуха, ни письма.

И сердце черным-начерно

Тревогою охвачено.

Я плачу. Тяжело нести

Печаль свою уже.

Дойдут ли слезы горести

К возлюбленной душе?

И канет неурядица,

И наши души сладятся.

1889

Перевод М. Дудина

12.

* * *

Хоть Солнце и Луна вдруг засияют вместе —
Мрак не сойдет с души моей и песни.
Ты можешь для себя найти другого в мире.
Нет в мире — для меня — одной тебя
преlestней.

Моя тоска в душе моей извечна.

Любовь — обманна.

Верность — быстротечна.

Я все стерплю: насмешки и упреки —

Ты для меня навеки безупречна.

1889

Перевод М. Дудина

* * *

Вовек моя душа не расцветет —
Пусть блещет солнце, пусть луна взойдет!
Тебя одну люблю я в целом свете,
А ты влюбленным потеряла счет.

Возлюбленной проделки я терплю.

Она изменит — я не разлюблю.

И если надо мной она смеется,

Молчать я сердцу страстному велю.

1889

Перевод М. Замаховской

* * *

В душе давно померкли все светила,
Где силы взять, тоску свою избыть?
Ведь если ты другого полюбила,
То мне другой вовек не полюбить.

Безвыходна любви слепая сила...
Мне лишь одним осталось в мире жить:
Случайным словом, что ты обронила,
Чтоб на него молиться и любить.

1889

Перевод *Е. Курдакова*

13.

* * *

Порою душу взбаламутит
Порыв смятения в крови,
И сердце в жажде сладкой муки
Забьется трепетом любви.
Но слезы, страсти и невзгоды
Не умалят сердечный жар.
Любовь как истина природы
Твоей судьбе — посмертный дар.
Жить пусто без любви на свете.
По-скотски людям жить нельзя.
Тебе на жизнь защитой — дети,
Жена и верные друзья.
Храни судьбы своей устои
В дороге жизни, человек.
Богатство, слава — все пустое
Без друга верного навек.

1890

Перевод *М. Дудина*

* * *

О любви, душа, молишь вновь,
Не унять смятенье твое,—
Так желанна сердцу любовь,
Желанна отраве ее!

Вся тоска, вся горечь невзгод
Над огнем души не властна.
Лишь любовь — твой верный оплот,
Лишь с тобой угаснет она.

А того, кто жил не любя,
Человеком назвать нельзя.
Пусть ты наг и нищ — у тебя
Все же есть семья и друзья.

Довелось бы брести впотьмах,
Если б дружбы не вспыхнул свет.
Слава — тлен и богатство — прах,
Если верного друга нет.

1890

Перевод М. Петровых

14.

* * *

Тулпара в скачке не обгонит кляча.
Соревнованье — не ее задача.
Кто целится в меня из-за угла,
Тому едва ли выпадет удача.

И стая псов не одолеет волка.
Волк враг собакам страшно и надолго.
Но лезет в драку мелкая душа
И погибает, как всегда, без толка.

И — бесится на воле мелкота,
И от нее страдает правота.
И, кляузникам разным потакая,
Царит в Семи Палатах клевета.

1890

Перевод М. Дудина

* * *

Тулпара не обгонит конь простой,
Будь он украшен пестрой бахромой.
Как бы меня злодеи ни чернили,
Не омрачится дух высокий мой.

Собакам в чаще волка не догнать.
Поможет бог осилить вражью рать.
Хотя не раз мы на цепь их сажали,
Привычно псам бессовестно рычать.

Безумствуют с толпу «мудрецы»,
Клеветники-чиновники, купцы —
Друзья их. И надежную опору
Хотят найти в Семее хитрецы.

1890

Перевод М. Замаховской

15.

* * *

Их друг к другу влечет любовь.
Светлой нежности нет конца.
И к щекам приливает кровь.
Дрожь охватывает сердца.
Откровением взгляд томим,
Друг от друга признанья ждет,
И отчаянно им двоим
Слов прекрасных недостает.
Жар дыхания губы жжет,
Пальцы робкие леденит.
Крепость робости бережет
Первой страсти невинный вид.
Чуть касаясь плеча плечом,
К поцелую приводит страсть,
Им теперь уже нипочем
Их дурманящая напасть.
Звезды смотрят на них. Луна
Через листья сиянье льет.
Он глядит ей в глаза. Она
Гибким станом к джигиту льнет.
Мир души для двоих един,
Нежен, радостен и могуч.
И в него до самих глубин
Проникает блаженства луч.
Их истома пьянит чуть-чуть,
Им слеза застилает взгляд,
И глубоко вздыхает грудь,
Испытавшая мед и яд.
Мир понятен им до основ.
Их счастливее в мире нет.

Им не надо прекрасных слов.
Опоздал ты опять, поэт.

1891

Перевод М. Дудина

* * *

На щеках у них лед и жар.
С сердцем, бьющимся сердцу в лад,
Уходя от людей чужих,
Лишь друг к другу они спешат.

Оба чувствуют ту же страсть
И не в силах с пути свернуть.
И в тенистый огромный сад
Их уводит короткий путь.

Осторожно оба идут,
В жарком сердце смиряя кровь,
И по легкому шагу знак
Подает им всегда любовь.

В холодеющих пальцах дрожь,
Дышат оба так тяжело.
Беспричинный какой-то страх
Заставляет бледнеть чело.

Чуть коснется плечо плеча —
Уж склоняется голова,
Губы ищут горячих губ
И пьянеют, забыв слова.

Рядом — дерево шелестит,
В небе — звезд золотой узор,
И, как звезды, дрожат они,
Отражая во взоре взор.

Так собою они полны,
Что весь мир, притаясь, молчит.
В сердце, слабое от любви,
Наслаждение льет лучи.

Тает сердце, побеждено,
И слабеют колена, и
Радость встречи заволокла
Взоры легкой слезой любви.

Где вы, мысли, и где слова?
Он уж близок — забвенья час.
Победительница-любовь
Обойдется сейчас без вас!

1891

Перевод Вс. Рождественского

* * *

И краснеть, и бледнеть,
Сердцем дробь отбивать,
На других не глядеть,
Друг о друге вздыхать..

Так мы страсть узнаем:
Встреч влюбленные ждут,
Но, оставшись вдвоем,
Нужных слов не найдут.

На свидание к ней
С дрожью в сердце идет,
Легкий шелест ветвей
Другу весть подает.

В сердце трепет и страх,
В пальцах холод, ледок...
Жар — то весь на щеках,
То незримо глубок.

Жжет плечо, а меж тем
Пред глазами туман.
Кто целуется — нем.
Кто целуется — пьян.

Их скрывает листва,
Сверху полночь глядит.
И лепечет едва
Та, с кем рядом жигит.

Только б чуял плечом,
Только был бы любим...
И блаженство лучом
Их пронзает своим.

Кончив с робостью спор,
Пышут жаром тела,
И растроганный взор
Застит влажная мгла.

Глубь суждений, цвет слов,
Что б вы сделали тут?
Вас под пламенный кров
Не зовут, не зовут!

1891

Перевод М. Тарловского

16.

Что ты ждешь, душа, что ты ищешь?
Беспокойно вести жизнь такую?
Все стремишься куда-то, все рыщешь...
Сидь-ка рядом, дружок, потолкуем.

Лишь о ком зашумят без умолку —
Глядь — и слава бежит повсеместно.
Но от этой хвалы много ль толку,
Коль причина ее неизвестна?

Не помянет глупца добрым словом
Тот, кто разум имеет в запасе.
Справедливым внимай да толковым —
Вот и станет глупец не опасен.

Восхваленья лъстеца все лукавы.
И душе есть в них польза едва ли.
Добиваются многие славы,
Чтобы больше уж их не ругали.

Все продажно — и слово, и дело, —
Покупать не спеши — жди подвоха.
Кривда вновь колесо завертела,
И в чести у ней лжец и пройдоха.

Коль продажны слова, то к чему же
Покупать их. А так ведь бывает,
И продажная женщина мужем
Лишь того, кто ей платит, считает.

Никогда меня лесть не прельщала,
Как меня бы порой ни хвалили.

Люди часто пусты и злы,
Смерть излечит от всех обид.

Ведь земная жизнь, как волна!
Мимолетно бежит она,
Хороша она иль дурна —
Все равно отравы полна.

1892

Перевод А. Штейнберга

17.

* * *

Разбито сердце, в кровь разбито...
Ударами со всех сторон,
Враждою скрытой и открытой
Я изнурен, я разорен.

Кого любило сердце это —
Ушли, кто в землю, кто в разлад:
Те делят власть, в том спесь задела,
Один — куда ни брошу взгляд.

А жизнь к концу идет, и вскоре
Мой на земле иссякнет след.
Для пребывающего в горе
Среди беспечных места нет.

Несчастный, с сердцем полным боли,
Оборотись, поговорим —
Открыт твоей я горькой доле
Всем сердцем раненым моим.

1892

Перевод В. Антонова

* * *

Не бейся, сердце, чересчур.
Будь общей долей живо.
Несовершенен мир и хмур.
Все в этом мире лживо.

Ягненок, потерявший мать,
Опять в траве пасется.
Не надо сердце надрывать —
Пусть нормально бьется.

Чего же, сердце, ищешь ты
В тревоге неумной.
Куда средь этой немоты
Бредешь, как пес бездомный.
Нет ныне в верности нужды,
Ты ничему не радо.
Среди тревоги и вражды
Что еще тебе надо?

1892

Перевод М. Дудина

* * *

Сердце, не бойся тяжело в груди!
Стало для всех ты смешным, пойми
На прежних друзей своих погляди:
Можно ль назвать их людьми?

Блеет ягненок, зовет к себе мать,
Но стихнет — и снова щиплет пырей.
Сердце, куда ты рвешься опять,
Чаще стучишь и сильнее?

Верности тщетно жаждало ты
И много пролило горьких слез, —
Что же опять, среди темноты,
Бродишь, как брошенный пес?

Мной помыкало ты — помнишь? — всегда,
Бросить хотело меня совсем;

Скоро придет моя черед...
Нужен тебе я... Зачем?

1892

Перевод М. Касаткина

* * *

Сердце бедное, не бойся, не стучи,
Не зови, не обнадеживай меня! —
Если были б мы обмануты в ночи,
То зачем теперь спешить к обманам дня?

Сирота — и тот найдет себе отца,
Обездоленному сыщется приют, —
Лишь тебя, о мое сердце, до конца,
Видно, к щедрому столу не позовут.

Верить некому и не к кому прильнуть,
Таит вновь неутоленный этот зов.
Так зачем опять срываться в новый путь,
Если прежний был и горек и суров?

Предназначенное, нет, не отделишь,
Чередой опять пойдут и суд и ложь...
Сердце бедное, куда же ты летишь?
Сердце, сердце, ты куда меня зовешь?

1892

Перевод Е. Курдакова

* * *

Сердце, полно тебе колотиться,
От насмешек людских не уйдешь.
Разве ты не смогло убедиться,
Что везде лицемерье и ложь?

Горевал сиротливый ягненок,
Успокоился, щиплет траву.
Только сердце — тревожный ребенок —
Не утихнет, покамест живу...

Где найдет оно сердце другое?
Как поверит в него до конца?
Жизнь без смысла, добра и покоя —
То не жизнь, а затея глупца.

Говорил ты, что дружба, как бремя,
Сети хитрости плел в тишине.
Но хитрец не хитрее, чем время:
Что ж ты нынче явился ко мне?..

1892

Перевод Л. Озерова

18.

* * *

Если смолоду честь не терял,
Если щедро прожил для людей,
Если враг твою доблесть познал,
Если верен был дружбе своей,
Если доброе имя берег,
Если все доверяли тебе,
Если ты не плутал средь дорог,
Если сам не перечил судьбе,
Если жил, согревая сердца,
Если полной влюблялся душой,
Если что отдавал — до конца,
Если брал — возвращая с лихвой,
Если смело прошел перевал,
Если жить не осталось уж сил,
Если смерть свою не умолял,—
Значит ты человеком прожил!

1892

Перевод Е. Курдакова

ОСПАНУ

Пока твой развернутый стяг
Победно не выхватил враг,
Пока не пятнал тебя знак
Позора средь стычек и драк,
Пока ты красуешься так,
Пока твое сердце — маяк —
Пылает, алея, как мак,
Пока ты всем веришь, добряк,
Пока на джайляу твоих

Плодится по-прежнему злак,
Пока твой поток не затих,
Пока он еще не иссяк,
Пока не одел тебя мрак,
Пока не запнулся твой шаг, —
Поверь мне, что жребий твой благ.
Покойно в могилу ляг!

1892

Перевод А. Штейнберга

19.

* * *

Язык любви живет без слова.
В нем полужест и полувзгляд —
Незаменимая основа
Двух объяснений наугад.
Как были тайные создания
Нам этой азбуки важны.
Теперь, увы, ее познавья
Мне, к сожаленью, не нужны.

1894

Перевод М. Дудина

* * *

Язык любви — язык без слов,
Безмолвный взгляд, душевный зов, —
Он наизусть знаком влюбленным,
И в то поверить я готов.

Я сам когда-то был знаком
С сердечным этим языком,
Но то прекрасное умение
Давно осталось в небылом.

1894

Перевод Е. Курдакова

* * *

Язык любви — язык без слов,
Лишь чувства, ощущений зов,
Мгновенный взгляд или улыбка —
Его основа из основ.

Когда-то с этим языком
Я был до тонкости знаком,
Но для меня его значение —
Увы! — давно уж под замком.

1894

Перевод Ю. Нейман

* * *

Бессловесен язык любви.
Сердце к сердцу взором зови.
Юность знает всегда свой путь,
Если только любовь в крови.

Сам ты этот знавал язык
И умел идти напрямик,
Но теперь его понимать
Ты уже навсегда отвык.

1894

Перевод Вс. Рождественского

20.

* * *

Когда баран войдет в ручей, —
Ручей бараньим салом
Кровь распалит степным волкам
И суетным шакалам, —
Тогда душа моя в степях
Довольствуется малым.

Я своему творцу не враг,
Но мне вселенную никак
Всей дикой жадностью своею
Не захватить в один кулак.
Нет у меня на то опоры,
И мне не виден вещей знак.

Всех дней моих Творец — судья,
И ночи — господин,
Во всех делах наставник мой
Ответствен и един.
И я постичь его не в силах
В пустынях неба и земных равнин.

И ересь темная в ночи мой будоражит ум.
Я безутешен в мире том, тревожен и
угрюм.

И сны, как обмороки ночью,
А днем — в ушах вселенский шум.
Пытаюсь гнать сомненья прочь
За грань души моей.

Но не под силу этот труд и
бесполезен ей,
Одним умом не разрешить
Сумятицу страстей.

Он — сотворивший мир для нас,
В том мире вездесущ.
Он — в прошлом мире прозорлив,
а в будущем — могущ.

И — не стремиться нам нельзя
В уладу райских кущ.
Пусть жизни узкая тропа изогнута,
как лук,
Ее начало и конец не выпускай из рук,
Мир жизни собственной замкнув
В единой жизни круг.

1895

Перевод М. Дудина

* * *

Когда баран войдет в ручей, воде жирней
не стать,
И нам смешно, коль станет волк, спеша,
ее лакать.
Как этот волк, гляжу кругом, не вижу ничего.
Ужель просторный этот мир мне мыслью
не обнять?

Ужель с рождения тебя особый метил знак
И всю вселенную зажать ты хочешь в свой
кулак?

Бедняжка мысль твоя парит в небесной
вышине,
А здесь опоры на земле ей не найти никак.

Но человеку можно все постичь своим умом.
И уступает наша мысль лишь пред одним
творцом.

Я засыпаю, утомлен, и, вновь открыв глаза,
Стараюсь тайну разгадать в дерзании своем.

Но я сомнений отрицать не стану наобум.
Где нет сомнения в душе, там, значит,
нет и дум.

И что порой бессильна мысль — меня
не тяготит,
Ведь мыслить лучше, чем всегда держать
в дремоте ум.

Мы рождены, чтоб мыслить, жить, и кровь нам
дал аллах,
Так как же думую своей не жить нам
в небесах?

Ты и не думая придешь к началу своему.
Желаний лучших обрести земной не может
прах.

Путь жизни — узкая тропа иль напряженный
лук.

Пока ты жив, его аллах не выпустит из рук.
Запомни твердо: правды нет в извилистом
пути.

Не поскользнься, идя в полет, вернее целясь,
друг!

1895

Перевод Вс. Рождественского

21.

* * *

Умерло детство — а ты не знал?
 Дни радости растерял?
 Прошла юность — не удержал?
 Встречай же старость — не ждал?
 Быть может в жизни не раз
 Непостоянным бывал?
 Не раз себе изменял?
 Быть может, в жизни не раз
 Как тот верблюженков в хлеву,
 Что хлева и не покидал?

1895*

Перевод А. Гатова

* * *

Ты золотого детства не заметил,
 И позабыл, как юность в жизни встретил,
 И зрелости своей не удивился,
 И вот уже со старостью смирился.
 И, может быть, для верности сейчас
 Тебе последний предназначен час,
 Твоей судьбы последняя страница.
 И ты, на жизнь утративший права,
 Умрешь, как с верблужонком
 верблудица,
 Не выходя на волю из хлева.

1895

Перевод М. Дудина

* * *

Детство прошло, не заметил?
 Юности дальний порог
 Как перешел ты? Как встретил
 Старости тягостный срок?
 Что ж, ты, бедняга, не светел, —
 Или бессмыслен урок?
 Иль, обделенный удачей,
 Так и умрешь без борьбы
 Старой заезженной клячей
 В тесном загоне судьбы?

1895

Перевод Е. Курдакова

Я много разных слов сказал.
Обдумав, рифмой их связал.
Дорогу к совести и чести
И к исправленью указал.

Велеречива наша речь.
Ей к славе будущего течь.
А наши души нам не просто
От пустословья уберечь.

Храни, народ мой, слова суть,
Вперед определяя путь.
Встречай со всеми праздник жизни
Достойно, а не как-нибудь.

Не заблудись! А точно знай
Дорогу в ад и тропку в рай
И, принимая опыт мира,
Свой скот пасти не забывай.

Перевод М. Дудина

Я много мудрых слов сказал до этих пор,
С печалью устремлял я в будущее взор
И думал: умные пронинутся стыдом
И станут честно жить, народу не в укор.

Но из народов вы — болтливейший народ,
И с первых слов никто друга друга не поймет.

Без сердца жаркого и без горячих слез
Нельзя вам растопить одевший душу лед.

О, не упорствуй так, народ упрямый мой,
Моих речей пойми, подумав, смысл простой.
Быть может, для себя в них пользу ты
найдешь,

Не для забавы здесь я говорю пустой.
Смотри, не заблудись и знай, куда идти,
Пора уж выходить на верные пути.
Когда нет знания и нет любви к труду,
То научись теперь хотя бы скот пасти!

1895

Перевод Вс. Рождественского

Стук часов — не робкий шелест забытья,
 Это судорожный ропот бытия.
 В каждом звуке чья-то жизнь и чья-то смерть,
 Не уйти, не обмануть, не претерпеть.

Вор скребущийся, крадущий день за днем,
 Время зыбкое, — ты верно лишь в одном:
 Что бесплотный, безвозвратный твой поток
 Не меня лишь одного собой увлек.

Знак прошедшего — скользящий этот звук,
 Легкий знак минувших радостей и мук,
 Знак, подсудный лишь усталому уму,
 Но от этого не легче никому.

День отмерен, минул месяц, канул год,
 Старит время, мчится время на проход,
 Истекает, убегает навсегда,—
 Лишь создателю то ведомо, куда.

1896

Перевод Е. Щадкова

* * *

Не просто это — звук часов: «тик-так»,
 То уходящих дней бесспорный знак.
 Прошла минута — стала жизнь короче,
 И жизни бег не удержать никак!

«Тик-так»... Часы отсчитывают путь.
 Часы напоминают: «Не забудь:
 Проходит все. Необратимо время.
 Прошедшее веки не вернуть!»

Хоть расшибись, а все же это — так!
 Уносит жизнь привычный звук «тик-так».
 Хоть все обманывать себя готовы,
 Но втайне это понимает всяк.

Так день за днем, и так — за годом год,
 И вот уж старость — у твоих ворот...
 Не вечен, видно, век у человека,
 И лишь Предвечный — верный наш
 оплот.

1896

Перевод Ю. Нейман

* * *

В мирных звуках часов безотрадное есть,
 Наших дней убывает — несут они весть.
 Целой жизни подобна минута одна:
 Сколько в тьму их ушло безвозвратно —
 не счесть.

Похищает надежды часов строгий лад,
 Приближает он тайно години утрат.
 Нет ни в чем постоянства и верности нет,
 Время, тенью мелькнув, не вернется назад.

В этих звуках — наш опыт, в свой срок
 надо знать,
 Уступать ли желаньям или их унимать.

* * *

Дни мчатся спорой рысью,
Не повернуть их вспять,—
Так мчится мысль за
И ветру не догнать.

1896

Перевод Е. Курдакова

95.

* * *

Случаются мгновения: тревога
Оставит душу. И небесный луч,
Как будто по благословенью Бога,
Рассеет с неба стаи темных туч,
Созвучия небесного чертога
На землю хлынут, и в земной тиши
Застывшие обида и тревога
Их волнами смываются с души.
И солнце светит в середине неба,
Как золото в нагой голубизне.
И в мире вдруг является потреба
Мечты о человеческой весне.
Тогда поэт, воспрянув мыслью снова,
И понимая дел и слова связь,
Усилим пророческого слова
Грехов вселенских обнажает грязь.
Он вдаль глядит своим орлиным взглядом,
И время, и пространство одолев,
И на коварство с ненавистью рядом
Обрушивает беспощадный гнев.
Он справедлив. Его душа права
В ней жизнь и свет. Он не боится риска.
Доверенные совести слова
Слышны везде: и далеко, и близко.
И тем словам преграды в мире нет.
Он действует разумно и умело.
...А то, что миру говорит поэт,—
Хулить и ненавидеть — ваше дело.

1896

Перевод М. Дудина

Час улыбнется иль миг такой:
Сердце в себя уходит — и вот
Свет вдохновения, свет благой,
Сизое облако чувств прорвет.

Многообразием красот искрясь,
Все зажурчит, как горный ручей.
С сердца отмоется будней грязь,
И упадет пелена с очей.

Весь напряжется он, как тетива.
Вспрянет душа ото сна — и вновь
Дети всесильной мысли — слова —
Плоть обретут и жаркую кровь.

Стянет потуже поэт свой стан,
Вдаль посмотрит — назад и вперед, —
Каждое слово, как талисман,
К мысли заветной он подберет.

Взглянет он зорче степного орла,
Струны раздумья в душе теребя.
Против невежества, против зла
Он обращает свой гнев, скорбя.

Люди слово его пронесут —
Близким и дальним — из края в край.
Суд справедливости, разума суд,
Ты рассуди и ты покарай!

Сердца неистовство, жар ума,
А языка — ядовитее нет.
Чтоб ни писал — то жизнь сама...
Как ни хулите — таков поэт!

1896

Перевод Л. Пеньковской

Разным людям не верь, что тебя вознесут, —
Ведь они же коварно тебя предадут.
Верь себе! И опора и счастье твоё —
Это лишь неразлучные ум и труд.

Не пленяйся доверчиво лстивой молвой,
Не гордись незаслуженною похвалой!
Сбитый с толку, ужели обману ты рад, —
Если это не-явь, а мираж пред тобой?

Если горе придет, то спины не сгибай!
Если явится радость, достойно встречай!
Загляни в свое сердце и там, в глубине,
Отыскав жемчуга, береги, не бросай!

1897

Перевод А. Гатова

Восторженной хвале толпы
Не верь — то лесть!
Не дай двуликим хитрецам
Себя оплесть...
Верь лишь себе и знай: твой ум,
Твой честный труд —
Вот тот оплот, где для тебя
Спасенье есть.

Глупцом доверчивым вовек
Не будь с людьми.
Страстей и славословья жар
В груди уйми.
Пленяясь ветреной молвой,
Ты лжешь себе...
Попытки марево обнять —

Лишь блажь, пойми!
Обрушилось ли горе вдруг —
Противостой!
Процвел ли миг — пренебреги,
То цвет пустой!
В глубь сердца своего уйдя,
Храни, лелей
Сокровище, что обретешь
Ты в глуби той.

1897

Перевод Л. Руст

* * *

Верить людям, что хвалят тебя, не спеши,
Станет мукой твоей хитрость лъстивой души.
Верь себе, и тогда две опоры с тобой —
Труд и ум, — с ними путь свой земной
соверши.

Бойся жизнь легковерьем себе омрачать,
Жажда славы томит — с ней сумей совладать.
Если вместе со всеми поверил в обман
И как все суетлив, ты не всем ли под стать?

Горе злое придет — не клонись пред бедой,
Радость душу пьянит — ты останься собой.
В сердца глубь погрузись, его тайны познай,
Чистый перл там найдешь, и отныне —
он твой.

1897

Перевод Э. Шехтмана

27.

* * *

Тучи набегут порой,
Прольются серым дождем.
Набухнет сердце тоской,
Заплачут печали в нем.
День прошел — ярче трава,
Смеется каждый ручей.
От слез — болит голова,
Тоска еще тяжелей.

1897

Перевод А. Глобы

* * *

Разражаются серые тучи
Над землею гремучей грозой,
А душа от обиды живучей
Расточается горькой слезой.
От дождя проливного прекрасно
Зеленеет земная трава,
А от слез, расточимых напрасно,
Стонет грудь и болит голова.

1897

Перевод М. Дудина

* * *

Бывает, вскользь и налегке
Промчится дождь.
Бывает, в горе и тоске
Слезу прольешь.

Земля вздохнет, легко дыша
Ветрами гроз.
А ты, усталая душа,
Горчишь от слез.

1897

Перевод Е. Курдакова

28.

* * *

В случайный миг
Звучащий глухо
Тревожный крик
Не тешит слуха.

И ты держись
Того, что ясно:
Пустая жизнь,
Увы, напрасна!

1897

Перевод М. Дудина

* * *

Грубый крик, рев осла —
Не одна ль досада нам?
Лгать себе без числа —
Разве в том награда нам?

Речь глупцов — как зола.
Ах, того ли надо нам!
Жизнь, что зря отцвела, —
Есть ли в ней отрада нам?

1897

Перевод М. Петровых

* * *

Умру. И стану вновь землей.
 И мой язык насмешкой злой
 Не тронет ледяным коварством
 Сердец, обиженных судьбой.
 Но рок судьбы нагрянет в срок
 На твой порог и мой порок
 И пересудит все ошибки
 На перекрестках всех дорог.
 Я, бедолага, в том кругу,
 На том открытом берегу
 За все, что не было и было,
 Ответить дважды не смогу.
 Ты в глубину мою взгляни,
 В мои загадочные дни.
 Там ныне светят всем, запомни,
 Оставленные мной огни.
 Я рос, и мой упрямый пыл
 Костры в седой ночи палил
 И путеводную звездою
 Проводникам в дороге был.
 Я там с собою принял бой
 Своею волей и судьбой.
 А за беду и униженья,
 Потомок, сжался надо мной.
 Нутро мое — огонь и яд,
 В нем все терзанья догорят.
 А песня — сплетница-чертовка —
 Все миру выложит подряд.

1898

Перевод М. Дудина

* * *

Когда умру, не стану ль я землей?
 Язык мой дерзкий — девушкой немой?
 Бездушным льдом — пылающее сердце,
 Что за любовь боролось с жизнью злой?..
 Не станет ли последним этот год?
 Ведь рано ль, поздно, а мой час пробьет!
 И станешь ли судить меня, потомок,
 За каждый мой нечаянный просчет?!

Суди!.. Меж нами — немоты стена.
 Суди, но помни: пусть страшна вина, —
 За грех один карать не нужно дважды,
 А я, живой, за все платил сполна!

Души измученной постигни суть!
 Тяжелым и тернистым был мой путь.
 Я — человек с загадкой, помни это!
 Боролся с тьмой, как мог... Не обессудь!

Задирю в земной явившись дол,
 Порой хитрил я, был порою зол.
 Прозрел с годами, сделался разумней,
 Но все ж до совершенства не дошел.

Мешали мне... Никто мне не помог.
 Свободы я не знал... Спаси вас бог
 От этой доли... Пожалей, потомок,
 Того, кто скорбен был и одинок!

Мое довольство — призрачно оно.
 Как горько мне, что мало свершено!..
 Но каяться в стихах — не стоит боле:
 Стихам хранить секреты не дано.

1898

Перевод Ю. Нейман

Разве не должен я, мертвый, глиной стать?
 Должен буйный язык девою чинной стать;
 Сердце мое, где гнев и страсть бой вели,
 Вскоре, увь, должно хрупкой льдиной стать.

Близок тот день, когда мне пред судьбиной
 Медлить может смерть, может лавиной стать.
 Сердце, нетрудно конской прыти твоей
 Жертвой толков злых вслед за кончиной стать!

Стану немым я, не прогремлю опять, —
 Внукам судить меня, что с потомства взять?
 Кровь моя черна, в язвах сердце мое...
 Дважды нас в одном можно ли обвинять?

В душу взглядись глубже, сам с собою побудь!
 Я для тебя загадка, я и мой путь.
 Путь я стлал для тебя, знай, потомок мой,
 Против тысяч сражался, — не обессудь.

Мир мне впору был, юному силачу.
 Гневу, спорам в дань в возжигал свечу.
 Враг меня донять силился клеветой.
 Ринулся я бы вслед, — поздно! Не доскачу.

Вольные мысли мои терпели гнет.
 След мой тебя с прямой дороги собьет.
 Вдоволь выстрадал я, вдоволь плен терпел, —
 Надо ль будить того, кто навек уснет?

Яд и чад во мне, пусть я с виду иной.
 В жизни мало успев, кончу путь земной.
 Песня болтлива — зря тайну вверил ей...
 Лучше, право, ей смолкнуть вместе со мной!

1898

Перевод М. Тарловского

* * *

Рос ты, к небу устремляясь головой,
Гордо, смело, без печали роковой.
Так весною к солнцу тянутся ростки,
Когда степи покрываются травой.

Отшумел давно суровых лет поток,
Наступил уже косьбы и жатвы срок.
Знало сердце зной и холод, но оно
Устояло пред лицом утрат, тревог.

От тревоги неустанно ноет грудь,
На лице твоём — тоски и горя путь.
Как пшеницу, чьи колосья налились,
Замышляют и тебя к земле пригнуть.

Не сдаётся обреченная душа,
Будто вечно жить ей в мире, но, спеша,
Смерть приходит, похищает душу вмиг.
Сам подумай ты — где жизнь и где душа?

Нынче — дышишь, завтра — прах, таков закон.
Нашей жизни блеск обманчив словно сон.
Разве знаешь, где назавтра будешь ты?
Помни, друг мой, что для смерти ты рожден!

1899

Перевод Д. Бродского

* * *

Ты рос. Ты вверх тянулся смело
Всем мужеством души и тела.
Ты рос, как вешняя трава,
Как злак, не знающий предела.

Трудом немилосердных лет
Ты проложил по жизни след.
И вот настало время жатвы —
Держать пред будущим ответ.

Что видишь ты в седой золе
Костра, горевшего во мгле?..
А голова твоя, как колос,
Все ниже клонится к земле.

Не ради смерти, человек,
В бессмертье веря, кончишь век,
Не рысаком, а старой клячей
Судьба твоя закончит бег.

Многообразен путь земной.
Смерть не обходит стороной
Загадку жизни человека.
Ты это помни, милый мой...

1899

Перевод М. Дудина

Человек — мешок для мяса и костей,
Смерть уносит его, как скарб — казначей.
Как часто слышишь: «Ты низок для меня!»
Поверь же мне: глупость — мать подобных
речей.

Лишь вчера — дитя ты; сегодня — старик,
Жизнь уходит в землю, как иссякший родник.
Люби человека, люби красоту,—
Что мог бы еще назвать благом язык?

1899

Перевод А. Глобы

Нет, ты не человек, а ты — мешок дерьма:
Ни красоты, ни чести, ни ума.
Вонь от тебя острей распространится,
Когда тебя поглотит смерти тьма.

Ты был мальчишкой. Ты теперь — старик.
Ты к переменам времени привык.
Люби людей. Внимай словам Аллаха
И радуйся тому, чего достиг.

1899

Перевод М. Дудина

Человек — ничтожной плоти тлен и прах,
Смерть для каждого равна в своих правах.
И кичиться перед кем-то превосходством
Знак надменного блуждания впотьмах.

Не вчера ли ты ребенком был, старик?
Все течет, и жизнь уносит каждый миг.
Возлюби же в бренном мире волю бога,
Это — высшее, что в мире ты постиг.

1899

Перевод Е. Курдакова

33.

* * *

Слепого я пригрел щенка,
Прозрев, мне в ногу впился пес.
Бить в цель я выучил стрелка,
Он рану в сердце мне нанес.

1899

Перевод В. Антонова

* * *

Моей любви собаке стало мало,
Меня моя собака покусала.
А тот, кого я научил стрелять,
В затылок мне прицелился сначала.

1899

Перевод М. Дудина

* * *

Собаку я выкормил из щенка —
И зубы ее испытал.
Меткости я обучил стрелка —
И сам мишенью стал!

1899

Перевод А. Жовтиса

* * *

Тобою вскормленный щенок, —
Он в худшем случае — облает...
Но страшно, если убивает
Тобой обученный стрелок.

1899

Перевод Е. Курдакова

Когда станет длинною тень
И закат прохладно багрян
И, путь завершая, день
Шагнет за дальний курган,—

Запечалюсь я в тишине,
Овладеет вечер душой.
Вечерний сумрак в огне.
Жизнь — вся уже за спиной.

Тропа за спиной — жизнь твоя,
Тропа, по которой ты шел:
Беды прошла колея,
Прошло по ней горе — вол.

И топтал ее человек,
И не раз заносил песок...
Добывай, стяжай весь век,—
Жизнь спросит: «Какой в том прок?»

Мысль — шенок, забытый в степи.
Не найти кочевья ему.
Плохую память приспи —
Вздых и досада к чему?

Средь пшеницы в поле — полынь.
Поле жизни мудро пройди.
Скажи печали: остынь!
Умри, как странник, в пути.

1901

Перевод А. Глобы

Удлиняются тени скорее,
Чем мы их появления ждем.
И багровое Солнце, не грея,
Удаляется за оком.
И душа моя в сумерках серых,
На еще не забытых примерах
Погружаясь в раздумья, печаль,
Наблюдает прошедшую даль.
Пыль и пепел побед и тревоги
И от времени высохших троп
Там, где Время — скакун быстроногий —
Перешло, не спросясь, на галоп.
Там, где сердце, доверию радо
И за смелость не ждя похвалы,
Захлебнулось от меда и яда
На пиру из одной пиалы.
Никакого особого дива
Мне на завтра судьба не сулит.
Мысль моя, как щенок шелудивый,
На забытом кочевье скулит.
По какой-то неведомой воле,
Всем надеждам земным вопреки,
Я отменными зернами поле
Засеивал. А росли — сорняки.

1901

Перевод М. Дудина

* * *

Когда все тени, удлинясь,
Сливаются в одну
И солнце покидает нас,
Чтоб отойти ко сну,

Я с сумерками говорю,
Раздумием томим,
Жизнь горемычную свою
Рассказываю им.

Тропинка узкая ведет
В долину прошлых лет:
Куда ни гляну — гнет забот,
Утраты, сотни бед...

Что ни припомню, — все подряд
Мне причиняет боль,
Все в душу мне вливает яд,
На раны сыплет соль.

И, как заброшенный щенок,
Душа моя скулит.
Когда б хоть миг я вспомнить мог,
Чтоб не было обид!

Казалось, добрым был посев,
А что в полях взошло!..
Век доживаю, оскудев,
И пожинаю зло.

1901

Перевод Ю. Нейман

35.

* * *

Сердце — море, а радость его — жемчуга.
Жизнь для сердца, без радости — не дорога!
Море сердца становится морем печали,
Гаснет пламя в глубинах и глохнут его берега.
Все от радости Сердца — и Совесть, и Дружба,
и Честь,

Все, что в будущем будет, и в сумерках
прошлого есть.
Все, чего не коснется сегодняшней прихоти
норов,

И тщеславием с лестью рожденная месть.
Перед совестью старости опыт не лжет.
И мосты продолжения жизни не жжет,
Ради радости жизни в надежных глубинах
Море сердца свои жемчуга бережет.

1902

Перевод М. Дудина

* * *

Душа — океан сокровенных страстей,
Бесстрастный — скудеет душою своей.
Лишь пламя влечений питает всечасно
Простые и плотские радости дней.

Заботами этими сердце живет,
Рассудок же — добрую честь стережет.
И стоит нарушить гармонию эту,
То вся добродетельность станет не в счет.

С годами тускнеет огонь тот живой.
Не ладится дело под слабой рукой,
И видится жизнь, вопреки доброхотам,
Извилистой, трудной, коварной тропой.

1902

Перевод *Е. Курдакова*

* * *

Как море — сердце, радость — блеск его.
Без радости все — тускло, все — мертво.
И если в сердце погасает пламень,—
Не радуется на свете ничего.

Дружить, кипеть — у сердца много дел!
А честь и совесть — разума удел.
Важны лишь честь и совесть.. А тщеславье,
Оно — как дым: дохнешь — и улетел!

Огонь тускнеет в сердце старика,
Не ладятся дела без огонька:
Себе не веришь, слушаешь советы,
Робка твоя рука и неловка.

1902

Перевод *Ю. Нейман*

36.

* * *

Ты речью своей
Чаруешь людей,
Умна она и отрадна.
А к речи чужой
Ты чуток душой,
Поправишь, где что не ладно.

Кто верит в добро,
А не в серебро,
Нуждаться тому — не ново.
Все блага вокруг
Заменит мне друг,
Чьи мысли честны и слово.

1901

Перевод *В. Антонова*

* * *

Твой язык богат,
И слова звучат,
Трогая людей.
Слыша речь других,
Ты поправишь их,
Скажешь — как верней.

И в отчаянье
Не впадет душа,
Горе пережив...
Верности ишу!
Дружба хороша,
Если друг правдив.

1901

Перевод А. Гатова

Твой высокий слог
И глубок, и строг,
Всякий рад твоим словам,—
И чужой язык
Постигая вмиг,
Видишь все, что скрыто там.
Но душа твоя
Все хранит, тая,
Горечь оттого, что нет
Друга, с кем хотел
Разделить удел
Этих одиноких лет

1901

Перевод Е. Курдакова

37.

* * *

Как бабочек много над лугом!
Веселый и радужный рой.
А ближе к метелям и выюгам
Не встретишь их здесь ни одной.

Так люди — снуют, суетятся,
Надеются, любят, грустят,
К чему-то всем сердцем стремятся
И словом и мыслью блестя.

Но к старости всяк затихает,
И в вечность уносит людей,
И кто не парит, а порхает,
Бесследно скрывается в ней.

1902

Перевод В. Антонова

* * *

Весной в овраге бабочки парят.
Их крылья, словно радуги горят.
Но к осени подснежники засохнут,
И бабочки куда-то улетят.

И век за веком человеческий род
Смеется, любит, плачет и поет.
Всему свое во времени и жизни —
Подвластно время силе и уму —

Они и правят миром потому.
И радости, и горю — свой черед.

А тот, кто тяжким бременем на время
Навалится, — несдобровать ему.

1902

Перевод М. Дудина.

* * *

Вот мотыльков беспечный рой,
Струясь, летит сквозь летний зной
В мгновенной радости скупой
Над обреченною травой.

А человек, он что ж, иной?
И он не властен над судьбой,
Спешит, хлопочет, лишь порой
Пытаясь путь осмыслить свой.

А время мутною рекой
Всех топит в бездне вековой,
И тех особо, кто порой
Перечит времени, слепой.

1902

Перевод Е. Курдакова

* * *

Мотыльки, чей светел наряд,
Вам, цветы, привет свой дарят.
Но спугнет гроза, сад примят —
И они назад не летят.

Людам всем дана, всем подряд,
Череда удач и утрат,
Что всегда сомненьем томят
И скорей ответа хотят.

Время гонит всех — стар иль млад.
Бремя злых помех снять бы рад!
Жизнь — тоска и смех, блеск и чад.
Срок придет — и ты смертью взят.

1902

Перевод М. Петровых

* * *

Не тревожь меня домброй,
Не волнуй, не мучь меня.
Все вокруг покрыто мглой,
Я в слезах не вижу дня.

В горестях душа по край,
Если вспомню жизнь мою.
Новой мукой не терзай —
Об одном лишь я молю.

Дорогая, добрый друг,
Улыбаясь, успокой.
Горемыки злой недуг —
Разлучи меня с тоской.

Лаской, нежностью своей
И участием дорогим
Потуши пожар скорей,
По душам поговорим.

Старая печаль уйдет,
И душа, озарена,
Заиграет, запоет,
Звуками исцелена.

В суете день ото дня,
Я устал, как от байги.
Пожалей же ты меня
И воспрянуть помоги!

Перевод А. Гатова

* * *

Домбры не трогай рукой,
Дрогнувших струн не рви.
Не бейся, сердце, постой,
Слез к очам не зови...

А слезы бегут по щеке —
Старая скорбь жива.
Отяжелев, в тоске
Склоняется голова.

К тому, кто поник душой,
Чья боль живет взаперти,
Взор лучезарный свой,
Любимая, обрати!

Прошу тебя, погляди,
Молю, погаси костер:
Он ведь в больной груди
Тлеет с давнишних пор.

Развей, разгони беду,
Коснувшись нежной рукой, —
И к цели я пойду,
И чист и прям душой.

Но как устала она
В байге пестрящего дня!..
Я верю, что ты должна
Вывести меня!

Перевод А. Жовтиса

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ	5
СЛОВО ОБ АБАЕ (вместо предисловия)	7
КЛЮЧЕВАЯ ВОДА	15
«О сердце, свой жар остуди...» Перевод С. Липкина	16
«Холод, жар... Молод, стар...» Перевод М. Петровых	19
Лето	20
«Поэзия — властитель языка...» Перевод В. Звягинцевой	22
«Если умер близкий...» Перевод П. Карабана	25
Зима. Перевод Вс. Рождественского	27
«Тихой ночью при луне...» Перевод Ю. Нейман	28
Восьмистишия. Перевод Л. Озерова	29
«Шлю, тонкобровая, привет...» Перевод П. Шубина	36
«Своим письмом к себе маня...» Перевод П. Шубина	38
Весна. Перевод П. Шубина	40
«Ты — зрачок глаз моих...» Перевод М. Петровых	43
Загадка. Отгадка. Перевод Е. Курдакова	46
«Природа смертна, вечен человек...» Перевод Л. Озерова	47
«На двадцать седьмом году...» Перевод Ю. Нейман	48
«Прах мой истлеет...» Перевод М. Касаткина	50
«Чужим я чувствую себя средь стариков...» Перевод О. Румера	51

«Весь мир эта песнь облетит кругом...» Перевод М. Касаткина	52
«Красивой песней под струнный звон...» Перевод Вс. Рождественского	54
Габидолле. Перевод Е. Курдакова	55
«Просто вымолвить «Аллах»...» Перевод Е. Курдакова	56
«Этих воплей шум пустой...» Перевод Е. Курдакова	—
На смерть сына Жаманбалы. Перевод Е. Курдакова	57
«О порыв души огневой...» Перевод Вс. Рождественского	58
«Не познал я тебя, не увлек...» Перевод Е. Курдакова	59
«На сорок лоскутьев тоскою...» Перевод М. Петровых	60
ЯЗЫК МОЙ — КОПЬЕ	61
«Пока не знаешь — молчи...» Перевод М. Петровых	62
«Вот и старость моя подошла...» Перевод Д. Бродского	65
«Джигиты, дорог смех, не шутовство...» Перевод А. Гатова	67
«Жизнь уходит, а сбыться мечтам не дано...» Перевод А. Гатова	71
«Только юность одна...» Перевод Вс. Рождественского	73
«Бестолково учась, я жизнь прозевал...» Перевод А. Штейнберга	75
Кожекбаю. Перевод П. Карабана	77
«Где стойкий друг народа?» Перевод П. Карабана	83
«Коль свет горит в твоей душе...» Перевод С. Ботвинника	84
«Где ж ты, пламя юности моей?» Перевод В. Звягинцевой	86

«В те дни у тебя юных лет огонь...» Перевод М. Касаткина	87
«С неведждами не знался, не братался...» Перевод Л. Озерова	89
«Мне боль ученье несет...» Перевод С. Ботвин- ника	91
«Вот и осень моя подошла...» Перевод Г. Паги- рева	93
«Будь разборчив в пути своем...» Перевод Вс. Рождественского	94
«Бьемся с жизнью, ушибаясь там и здесь...» Пе- ревод Е. Курдакова	95
«Стяжателью одно лишь тешит душу — скот...» Перевод О. Румера	96
«Одинокое, не ищи...» Перевод А. Штейнберга	97
«Веселья легкая вода...» Перевод Л. Озерова	99
«Ангел молнии, Рагит...» Перевод Л. Озерова	100
«Прыткий неуч, как не тщится стать умней...» Пе- ревод Е. Курдакова	101
«Ретивый конь гордится гривой...» Перевод М. Дудина	102
Не спеши себя хвалить...» Перевод Е. Курдакова	—
ТЫ В ГЛУБИНУ МОЮ ВЗГЛЯНИ	103
1. Охота с беркутом. Перевод М. Дудина	104
«Всадник с беркутом скачет в ранних сне- гах...» Перевод С. Липкина	107
2. «Казахи, бедный мой народ...» Перевод М. Дудина	109
«О казахи мои! Мой бедный народ!» Перевод С. Липкина	110
3. «На разных дорогах враги и родня...» Пере- вод М. Дудина	112
«Измучен, обманут я всеми вокруг...» Перевод П. Карабана	113
4. «Гляжу: все едут на базар...» Перевод М. Ду- дина	115
«Каждый за товаром едет на базар...» Пере- вод Л. Шифферса	—

5. «О, помоги к стопам твоим...» Перевод Е. Бу- гаевского	117
«О, Боже мой, к тебе взываю я...» Перевод М. Дудина	—
6. Осень. Перевод А. Готова	119
Осень. Перевод М. Дудина	120
Осень. Перевод Е. Курдакова	121
7. «Не для забавы я слагаю стих...» Перевод Д. Бродского	122
«Стихами для забавы — не грешу...» Перевод М. Дудина	123
8. «Нет жизни у меня в груди...» Перевод А. Га- това	125
«Я сам здоров. Душа моя болит...» Перевод М. Дудина	126
9. «Есть два пути — Любовь и страсть...» Пере- вод М. Дудина	127
«Два пути — любовь и похоть, две тщеты...» Перевод Е. Курдакова	—
«Две дороги — любовь и страсть предо мною...» Перевод А. Штейнберга	128
10. «Заплетенная круто коса за спиной...» Пере- вод М. Дудина	129
«Вдоль спины заплетенные косы лежат...» Перевод Вс. Рождественского	130
11. «Дух унижен мой...» Перевод А. Глобы	131
«Душа моя унижена...» Перевод М. Дудина	132
12. «Хоть Солнце и Луна вдруг засияют вместе...» Перевод М. Дудина	133
«Вовек душа моя не расцветет...» Перевод М. Замаховской	—
«В душе давно померкли все светила...» Пе- ревод Е. Курдакова	134
13. «Порою душу взбаламутит...» Перевод М. Ду- дина	135
«О любви, душа, молишь вновь...» Перевод М. Петровых	—

14. «Тулпара в скачке не обгонит кляча...» Перевод М. Дудина	137
«Тулпара не обгонит конь простой...» Перевод М. Замаховской	—
15. «Их друг к другу влечет любовь...» Перевод М. Дудина	139
«На щеках у них лед и жар...» Перевод Вс. Рождественского	140
«И краснеть, и бледнеть...» Перевод М. Тарловского	141
16. Что ты ждешь, душа, что ты ищешь...» Перевод М. Касаткина.	143
«Что ты ищешь, моя душа?» Перевод А. Штейнберга	145
17. «Разбито сердце, в кровь разбито...» Перевод В. Антонова	147
«Не бойся, сердце, чересчур...» Перевод М. Дудина	—
«Сердце, не бойся тяжко в груди...» Перевод Касаткина	148
«Сердце бедное, не бойся, не стучи...» Перевод Е. Курдакова	149
«Сердце, полно тебе колотиться...» Перевод Л. Озерова	150
18. «Если смолоду честь не терял...» Перевод Е. Курдакова	151
Оспану. Перевод А. Штейнберга	—
19. «Язык любви живет без слова...» Перевод М. Дудина	153
«Язык любви — язык без слов...» Перевод Е. Курдакова	—
«Язык любви — язык без слов...» Перевод Ю. Нейман	154
Бессловесен язык любви. Перевод Вс. Рождественского	—
20. «Когда баран войдет в ручей...» Перевод М. Дудина	155

«Когда баран войдет в ручей, воде жирней не не стать...» Перевод Вс. Рождественского	156
21. «Умерло детство — а ты не знал?» Перевод А. Гатова	158
«Ты золотого детства не заметил...» Перевод М. Дудина	—
«Детство прошло, не заметил?» Перевод Е. Курдакова	159
22. «Я много разных слов сказал...» Перевод М. Дудина	160
«Я много мудрых слов сказал до этих пор...» Перевод Вс. Рождественского	—
23. «Стук часов — не робкий шелест забытья...» Перевод Е. Курдакова	162
«Не просто это — звук часов: «тик-так»...» Перевод Ю. Нейман	—
«В мирных звуках часов безотрадное есть...» Перевод Э. Шехтмана	163
24. «Длятся думы сиротливо...» Перевод В. Антонова	165
«Дни за днями чередой...» Перевод А. Глобы	—
«День за днем...» Перевод М. Дудина	—
«Дни мчатся спорой рысью...» Перевод Е. Курдакова	166
25. «Случаются мгновения: тревога...» Перевод М. Дудина	167
«Час улыбнется иль миг такой...» Перевод Л. Пеньковского	168
26. «Разным людям не верь, что тебя вознесут...» Перевод А. Гатова	169
«Восторженной хвале толпы...» Перевод Л. Руст	—
«Верить людям, что хвалят тебя, не спеши...» Перевод Э. Шехтмана	170
27. «Тучи набегут порой...» Перевод А. Глобы	171
«Разражаются серые тучи...» Перевод М. Дудина	—

	«Бывает, вскользь и налегке...» Перевод Е. Курдакова	172
28.	«В случайный миг...» Перевод М. Дудина	173
	«Грубый крик, рев осла...» Перевод М. Пет- ровых	—
29.	«Пока твой ум не подчинился воле...» Пере- вод М. Дудина	174
	«Если мысль за волей вслед...» Перевод А. Штейнберга	175
30.	«Умру. И стану вновь землей...» Перевод М. Дудина	176
	«Когда умру, не стану ль я землей?» Перевод Ю. Нейман	177
	«Разве не должен я, мертвый, глиной стать?» Перевод М. Тарловского	178
31.	«Рос ты, к небу устремляясь головой...» Пере- вод Д. Бродского	180
	«Ты рос. Ты вверх тянулся смело...» Перевод М. Дудина	181
32.	«Человек — мешок для мяса и костей...» Пе- ревод А. Глобы	182
	«Нет, ты не человек, а ты — мешок дерь- ма...» Перевод М. Дудина	—
	«Человек — ничтожной плоти тлен и прах...» Перевод Е. Курдакова	183
33.	«Слепое я пригрел щенка...» Перевод В. Ан- тонова	184
	«Моей любви собаке стало мало...» Перевод М. Дудина	—
	«Собаку я выкормил из щенка...» Перевод А. Жовтиса	—
	«Тобою вскормленный щенок...» Перевод Е. Курдакова	185
34.	«Когда станет длинною тень...» Перевод А. Глобы	186
	«Удлиняются тени скорее...» Перевод М. Ду- дина	187

	«Когда все тени, удлинись...» Перевод Ю. Ней- ман	188
35.	«Сердце — море, а радость его — жемчуга...» Перевод М. Дудина	189
	«Душа — океан сокровенных страстей...» Пе- ревод Е. Курдакова	189
	«Как море — сердце, радость — блеск его...» Перевод Ю. Нейман	190 191
36.	«Ты речью своей...» Перевод В. Антонова	—
	«Твой язык богат...» Перевод А. Гатова	192
	«Твой высокий слог...» Перевод Е. Курдакова	—
37.	«Как бабочек много над лугом...» Перевод В. Антонова	193
	«Весной в овраге бабочки парят...» Перевод М. Дудина	—
	«Вот мотыльков беспечный рой...» Перевод Е. Курдакова	194
	«Мотыльки чей светел наряд...» Перевод М. Петровых	195
38.	«Пахаря славный труд хорош...» Перевод А. Жовтиса	196
	«Благодаренны будьте — труд земной...» Пе- ревод Е. Курдакова	—
39.	«Не играй на домбре, пощади...» Перевод В. Антонова	197
	«Не тревожь меня домброй...» Перевод А. Га- това	198
	«Домбры не трогай рукой...» Перевод А. Жов- тиса	199

АБАЙ

Стихи в переводах русских поэтов
(К 150-летию со дня рождения)

Редактор Ю. В. Тарасов
Художник Б. Аканеев
Художественный редактор В. А. Ващенко
Технический редактор Л. И. Конькова

ИБ № 4089

Сдано в набор 12.06.95. Подписано в печать 19.07.95.

Формат 70×90¹/₃₂. Высокая печать.

Литературная гарнитура. Усл. п. л. 7,54.

Уч.-изд. л. 5,87. Усл. кр.-отт. 8,1.

Тираж 5000 экз. Заказ 60.

НИЦ «Гылым» НАН РК
480100, Алматы, Пушкина, 111/113

Типография НИЦ «Гылым»
480021, Алматы, Шевченко, 28